

Annotation

- [Роберт ГОВАРД](#)
 - [1. РАСКРАШЕННЫЕ](#)
 - [2. ПИРАТЫ](#)
 - [3. ТЕМНЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ](#)
 - [4. ЧЕРНЫЙ БАРАБАН ГРЕМИТ](#)
 - [5. ЧЕЛОВЕК ИЗ ГЛУШИ](#)
 - [6. ОГРАБЛЕНИЕ ПЕЩЕРЫ](#)
 - [7. ЛЕСНЫЕ ДИКАРИ](#)
 - [8. БОЕЦ ИЗ АКВИЛОНИИ](#)
-

Роберт ГОВАРД

Спрэг ДЕ КАМП

Сокровища Траникоса

После событий, перечисленных в повести «По ту сторону Черной Реки», в книге «Конан-воин» Конан быстро возвышается в Аквилонской армии. В качестве генерала он разбивает пиктов в большой битве при Велитриуме и кладет конец заговору. После этого он возвращается в столицу Тарантию, чтобы там его чествовали как героя. Однако там его появление возбуждает недоверие и ревность испорченного и безрассудного короля Нумедидеса. В вино Конана добавляют снотворное и, оглушенного, его тащат в железную башню, где его держат в плену и приговаривают к смерти. Но у северного варвара в Аквилонии есть не только враги. Его друзья помогают ему бежать и дают ему хорошего коня и крепкий меч. Вернувшись на границу, он обнаруживает, что его боссонские отряды рассеяны по всей стране, а за его голову назначена цена. Он переплывает Реку Гром и через мрачные леса Страны пиктов пробирается к отдаленному океану.

1. РАСКРАШЕННЫЕ

Только что поляна была пуста, а теперь на ее краю возле густого кустарника стоял мужчина, напрягая все свои органы чувств и контроля. Ни один звук не предупредил о его появлении, но птицы, греющиеся на теплом солнечном свете, перепугались его внезапного возникновения и возбужденно галдящей стаей суетливо взмыли вверх. Мужчина наморщил лоб и поспешно оглянулся назад, откуда он только что пришел, испугавшись, что охваченные паникой птицы могут выдать его присутствие. Потом он осторожными шагами пересек поляну.

Несмотря на свою огромную, мощную фигуру, мужчина двигался с уверенной гибкостью леопарда. Кроме набедренной повязки на его бедрах, на нем больше ничего не было. Его кожу покрывали следы царапин от прикосновения к колючкам и грязь. Его мускулистая правая рука была перевязана коричневой, заскорузлой тряпицей, Лицо под растрепанной гривой черных волос выражало напряжение и утомленность, а его глаза горели как у раненого дикого волка. Быстро спеша по узкой тропинке, пересекающей поляну, он немного прихрамывал.

Пройдя примерно половину пути, он внезапно остановился, и мягко, как кошка, оглянулся назад, услышав позади себя в чаще леса пронзительный крик. Крик звучал словно завывание волка, но он знал, что это не волк, потому что он был киммерийцем, и узнавал голоса леса, как цивилизованный человек умеет распознавать голоса своих друзей.

Ярость сверкнула в его налитых кровью глазах, когда он снова повернулся и побежал дальше по извилистой тропе, которая пролегла по краю поляны, мимо густого, пышно заполнившего все пространство между деревьями, кустарника. Между ним и тропой лежал глубоко погружившийся в покрытую травой землю покореженный ствол дерева. Увидев его, киммериец остановился и оглянулся назад, через поляну. Неопытный взгляд, нетренированный глаз не заметил бы здесь никаких признаков того, что здесь только что проходили. Однако для его, хорошо знакомых с дикой природой глаз следы эти были четко видны. И он знал, что его преследователи тоже без труда прочитают оставленный им след. Он беззвучно зарычал, как загнанный зверь, готовый вступить в отчаянную борьбу не на жизнь, а на смерть.

Стремительно, и с подчеркнута наигранной беспечностью, он ступил на траву, притаптывая, тоже намеренно, тут и там зеленые стебли. Однако,

достигнув задней части ствола, он вспрыгнул на него, повернулся и легко побежал назад. Кору на стволе давно уже не было, и на голой древесине не оставалось никаких следов. Никакой, даже самый острый глаз не смог бы различить, что этот человек вернулся назад. Добравшись до самого густого кустарника, он, подобно тени, скользнул в заросли и исчез в чаще, Позади него не шевельнулся ни один листок.

Время тянулось очень медленно. Серые белки снова беззаботно занялись своими делами на деревьях, а потом внезапно притихнув, попрятались в ветвях. На поляну снова кто-то вышел, двигаясь также бесшумно, как и киммериец. Появились трое мужчин. Они были темнокожими, приземистыми, с мускулистой грудью и сильными руками. На них были расшитые бисером набедренные повязки, а в их черных волосах были воткнуты перья орла. Их тела были разрисованы сложными узорами, а в руках у них было обычное оружие, изготовленное из ковanej меди.

Они осторожно оглядели поляну, потом, готовые к внезапному прыжку, двигаясь вплотную друг к другу, пригнувшись словно леопарды, вышли из кустарника и нагнулись над тропой. Они передвигались по следу, который оставил за собой киммериец. И это было непросто даже для легавой собаки, Они медленно крались вдоль поляны. Тут первый из преследователей остановился, что-то пробормотал и указал своим копьем с широким наконечником на примятую зелень травы в том месте, где тропа вновь сворачивала в лес. Его товарищи тот час же замерли, и их глаза-бисеринки стали жадно обшаривать плотную стену леса. Но их жертва спряталась хорошо. Наконец они снова тронулись в путь, на этот раз быстрее, чем прежде. Они шли по слабым, едва заметным следам которые, казалось, показывали, что их жертва от усталости и отчаяния стала неосторожной.

Едва они миновали то место, где тропа совсем близко подходила к чаще буйных кустов, как киммериец бесшумно выпрыгнул откуда-то позади них, крепко сжимая оружие, которое он вытащил из-за набедренной повязки: в левой руке кинжал с длинным отточенным медным лезвием и с секирой с медной рубящей частью — в правой. Нападение было настолько стремительным и неожиданным, что у идущего последним пикта не оставалось никаких шансов на спасение, когда киммериец безжалостно вонзил ему кинжал между лопаток. Клинок вошел в сердце прежде, чем пикт вообще понял, что он подвергся нападению.

Оба других пикта обернулись с быстротой моментально захлопывающейся ловушки, однако за это время киммериец успел

вытащить кинжал из тела своей первой жертвы и замахнулся правой рукой с зажатой в ней смертоносной секирой. Второй пикт повернулся, когда секира взвилась вверх и обрушилась на него, расколов ему череп.

Оставшийся в живых пикт-предводитель схватил алое медное острие своего орлиного пера и с невероятной быстротой напал на киммерийца. Он бросил острие в грудь киммерийца, когда тот вырывал секиру из головы убитого. Киммериец умело воспользовался своим недюжинным умением и умом, равно как и оружием в каждой своей руке. Обрушившаяся на последнего противника секира отбросила острие врага в сторону, а кинжал в его левой руке распорол раскрашенный живот снизу доверху.

Сломавшись пополам и истекая кровью пикт издал ужасный вопль. Это не был крик страха или боли, это пронзительно звучал крик удивления и звериной ярости. Дикий вой множества глоток ответил ему издали к востоку от поляны. Киммериец пригнулся, как загнанный волк с оскаленными зубами, и смахнул пот с лица. Из-под повязки на его левой руке противно сочилась кровь.

Сдавленно бормоча неразборчивые проклятия, он развернулся и быстро побежал на запад. Он больше не старался скрыть свои следы, однако бежал со всей быстротой своих длинных ног, черпая силы из глубокого, почти неистощимого резервуара своей выдержки и выносливости, что было компенсацией, данной природой за его варварский образ жизни. Некоторое время позади него сохранялась тишина, потом с того места, которое он совсем недавно покинул, раздались резкие, демонические вопли. Итак, его преследователи обнаружили убитых. Впрочем, киммерийцу не хватало дыхания, чтобы проклинать кровь, капающую из вновь открывшейся раны, и оставляющую позади него четко различимый след, который мог бы прочесть и ребенок. Он надеялся, что эти три пикта были последним военным отрядом, который преследовал его на протяжении вот уже сотни миль. И при этом он знал, что эти волки в человеческом образе никогда не оставляют кровавого следа.

Теперь снова восстановилась тишина. Это означало, что они бегут за ним, а он не мог остановить кровь, которая выдавала его путь.

Западный ветер бил его по лицу. Он нес с собой просоленную влагу. Это удивило его. Он приближался к морю, значит преследование длится намного дольше, чем он думал.

Однако скоро погоня приблизится к концу. Даже его жизненная сила и способность к выживанию, волчья способность, истощались от непрерывного напряжения. Дыхание с трудом вырывалось из его горла, в боку остро кололо. Ноги его дрожали от усталости, а прихрамывающую

ногу при каждом шаге охватывала сильная боль, словно в ее сухожилия вонзали отточенный нож. До сих пор он следовал инстинкту дикаря, который был его учителем; каждый нерв его и каждый его мускул изгибался от напряжения, и каждый его трюк, усилие служил для того, что бы выжить. Однако теперь, в откровенно бедственном положении, им овладел другой инстинкт; он искал такое место, где он, прикрыв свою спину, мог продать собственную жизнь как можно дороже.

Он не покинул тропу и не нырнул в спасительную чащу налево или направо. Он знал, что безнадежно было прятаться от жестоких и умелых преследователей. Он бежал дальше и дальше, а кровь все сочилась; в ушах у него противно стучало, и каждый вздох вызывал боль в пересохшем горле. Позади него раздался дикий вой. Это значило, что пикты уже почти наступают ему на пятки и рассчитывают вскоре схватить беглеца. Как голодные волки, они теперь каждый свой прыжок, каждый рывок вперед сопровождали устрашающими воплями.

Внезапно деревья кончились. Перед ним возвышалась каменная стена, которая отвесно устремлялась вверх. Взгляд налево, затем направо подсказали ему, что здесь имеется только одна скала, которая, как каменная башня, вздымается над лесом. В юности киммериец, подобно козам, карабкался по скалам, лазил по горам у себя на родине. Быть может, будь он в лучшем физическом состоянии, он смог бы преодолеть стену-препятствие, но сейчас у него не было никаких шансов, с его ранениями и при его большой потере крови, проделать это. Он не взберется выше двенадцати или тринадцати футов, прежде чем пикты выбегут из леса и пронзят его своими стрелами.

Скала? Может быть, с противоположной стороны она менее крутая и обрывистая. Тропа, ведущая из леса, резко сворачивала направо и направлялась к скале. Он торопливо побежал по едва заметной в траве дорожке и увидел, что она ведет между кромками каменных глыб и расколотыми камнями к широкому карнизу, находящемуся возле вершины базальтовой скалы.

Этот уступ был не более худшим местом, чтобы покончить счеты с жизнью, чем какое-либо другое место. Мир перед его глазами заволкло красной пеленой, однако он продолжал ковылять вверх по тропе, а потом опустился на колени и пополз на четвереньках, зажав кинжал между зубами.

Он еще не достиг выдающегося вперед выступа, когда около сорока раскрашенных пиктов-дикарей, завывая, словно койоты, хаотично столпились вокруг скалы. Их рев возвысился до дьявольского крещендо,

как только они обнаружили его. Они бегали у подножья скалы, выпуская в беглеца стрелу за стрелой. Стрелы угрожающе разрезали воздух вокруг киммерийца, который, невзирая на смертельно опасный посвист, упрямо карабкался вверх. Одна стрела с хрустом вонзилась в его икру. Не останавливаясь, он вырвал ее и отбросил в сторону. На плохо нацеленные стрелы он не обращал внимания. Эти стрелы разбивались, высекая искры, о камни вокруг него. Он яростно перевалился через край базальтового карниза и обернулся. Он сжал в руках кинжал и секиру и, лежа на каменной поверхности выступа, уставился вниз на преследователей, беснующихся на площадке перед утесом. Видны были только его черная грива и горящие глаза. Мощная грудь его быстро вздымалась и опадала, когда он в жадными глотками втягивал в себя воздух, однако потом он вынужден был крепко сцепить зубы, чтобы бороться с неотвратимо подступившей дурнотой.

Над головой просвистело еще несколько стрел. Отряд преследователей понял, что жертва остановилась и затихла. Пикты легко перепрыгивали с камня на камень, маневрируя у подножия скалы. Первым крутой части утеса достиг огромный и сильный воин, орлиные перья которого были окрашены и указывали на то, что это был вождь. Он положил стрелу на тетиву и наполовину натянул ее, Он ненадолго задержался внизу у начала вьющейся вверх крутой тропы. Потом он откинул голову и приоткрыл губы в диком триумфальном крике. Но стрела эта так и не была выпущена. Вождь застыл в неподвижности, как гранитная статуя, и жажда крови в его черных обезумевших глазах сменилась выражением испуганного удивления. С ревом он отпрянул назад и далеко вытянул руки, чтобы остановить своих накатывающихся товарищей. Хотя киммериец на уступе слышал их беспорядочный разговор, но он находился слишком высоко над толпой пиктов, чтобы понять смысл выкрикиваемых вождем торопливых приказов.

Во всяком случае всеобщий воинственный рев внизу смолк, и все уставились вверх — но не на человека на каменном карнизе, а на скалу. Без дальнейшего промедления они ослабили тетивы своих луков и засунули стрелы в кожаные колчаны у себя на поясах, потом они повернулись, мелкой рысью потрусил по тропе, по которой они сюда пришли и исчезли за обломками камней, так ни разу и не оглянувшись.

Киммериец озадаченно уставился им вслед. Он достаточно хорошо знал пиктов, чтобы понять, что охотничье преследование прекращено окончательно, и что они больше не вернутся назад. Они, несомненно, уже находились на пути в свои деревни, расположенные на расстоянии около сотни миль на восток.

Но все происходящее казалось ему необъяснимым. Что в его убежище оказалось такого, что заставило военный отряд пиктов отказаться от своей обреченной жертвы, которую они преследовали с настойчивостью изголодавшихся волков? Он знал, что это было священное место, которое могло использоваться различными кланами в качестве убежища, и беглецу, который нашел там укрытие от клана, к которому он принадлежал, нечего было бояться. Но другие кланы не придерживались такой же точки зрения на данное место. И люди, которые преследовали его так долго, конечно не считали его священным, это место, находящееся на таком огромном расстоянии от их дома. Это были люди Орла, чьи деревни находились отсюда далеко на востоке, вблизи границ пиктов, принадлежащих к племени Волка.

Волками были именно те, которые захватили в плен киммерийца, когда он после своего бегства из Аквилонии исчез в дремучих лесах. И они передали его людям Орла в обмен на находившегося у них в плену вождя племени Волка. У пиктов племени Орла были кровавые счета к огромному киммерийцу. И этот счет стал еще более кровавым, потому что его бегство стоило жизни одному из известных вождей племени. Поэтому они преследовали его так неустанно, через широкие реки и крутые горы, не обращая внимания на то, что они сами становились объектом охоты для враждебных племен.

И теперь, уцелевшие после такого изнурительного преследования пикты просто повернули назад, хотя именно в этот момент их жертва прекратила движение, и у нее больше не оставалось никакой возможности ускользнуть от преследователей. Киммериец недоуменно покачал головой. Нет, он не мог объяснить то, что произошло.

Он осторожно поднялся. Голова у него лихорадочно кружилась от чудовищного напряжения, и он был едва в состоянии понять, что травля его прекратилась. Члены его совершенно окоченели, раны болезненно ныли. Он выплюнул сухую пыль и быстрым движением руки протер налитые кровью усталые глаза. Моргая, он осмотрелся вокруг. Под ним длинными и непрерывными волнами тянулась зеленая лесная чаща, а над западным краем повисла сине-стальная дымка, которая, насколько он знал, должна была теперь висеть над морем. Ветер шаловливо играл его черной гривой, а соленый воздух освежил его. Он большими поспешными глотками втягивал его в свою распухшую грудь.

Потом он повернулся, выругался от резкой боли в своей кровоточащей икре ноги и осмотрел карниз, на котором стоял. Позади него поднималась крутая каменная стена, увенчанная на высоте тридцати футов высоченным

каменным гребнем. Вверх вели небольшие углубления для рук и ног, расположенные в порядке, напоминавшем узенькую лестницу. А на расстоянии пары шагов в стене темнела щель, которая была именно такой ширины, чтобы в нее мог пролезть человек.

Он, хромя, заковылял туда, заглянул в нее и тут же выругался. Солнце, высоко стоящее над северным лесом, осветило расщелину. Щель служила входом в туннелеобразную пещеру, а в ее конце виднелась довольно большая, окованная железом дверь.

Он неверяще прищурил глаза. Эта страна была совершенно дикой. Киммериец знал точно, что западное побережье было безлюдным на тысячу миль, если не считать редких деревень диких прибрежных племен, которые были еще менее цивилизованными, чем их родственники, живущие в лесу.

Ближайшим форпостом цивилизации были пограничные поселения, раскинувшиеся вдоль реки Грома, в сотне миль к востоку. И киммериец был уверен еще кое в чем: в том, что он был единственным белым, который когда-либо пересекал эти безбрежные, дремучие леса, находящиеся между рекой и побережьем океана. Однако эту дверь, несомненно, изготовили отнюдь не пикты.

То, что он не мог объяснить этого возбудило его подозрения, поэтому он приблизился к ней полный недоверия, сжимая в руках топор и кинжал. Когда его глаза приспособились к мягкому полумраку после яркого солнца, привыкли к слабому свету, который скудно просачивался к кованой двери сквозь специальное отверстие для освещения, он заметил еще кое-что примечательное. Туннель продолжался также и за дверью, а вдоль его стен громоздились огромные кованые медью и железом, поставленные друг на друга, сундуки. Он пытался понять для чего они здесь. Он нагнулся над одним из них, который стоял на каменном полу, однако крышка сундука не открывалась. Он уже поднял вверх свой топор, чтобы разбить замок сундука, но вдруг передумал и вместо этого захромал к массивной сводчатой двери. Теперь он был более уверен, и его оружие осталось висеть на поясе. Он решительно нажал на дерево покрытое искусственной резьбой. Дверь открылась без сопротивления.

Так же внезапно его уверенность испарилась. С проклятием, сорвавшимся с губ, он быстро отступил назад. Он выхватил свой боевой топор-секиру и кинжал. Какое-то мгновение он стоял, замерев в угрожающей позе, подобно статуе и вытянув шею, чтобы постоянно видеть эту дверь.

Он еще раз заглянул в пещеру, в которой было гораздо темнее, чем в

коридоре, но пещера эта была освещена слабым светом, исходящим от большого драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре огромного стола из черного дерева, Вокруг него сидели молчаливые фигуры, присутствие которых так удивило его в первое мгновение.

Они не пошевелились, не обернулись к нему. Однако голубой туман, висевший под сводами пещеры на высоте его головы, зашевелился, как будто он был живым.

— Ну, — пробурчал киммериец, — что они там все подошли что-ли?

На его бурчание не последовало никакого ответа. Киммерийца было не так-то легко вывести из себя, но демонстративное пренебрежение к его появлению взбесило его.

— Вы могли бы по крайней мере предложить мне хотя бы немного вашего вина, — грубо сказал он. — Во имя Крома, вы что считаете, что того, кто не принадлежит к вашему братству, не стоит и принимать по-дружески? Вы хотите...

Он смолк и, не произнося ни звука, уставился на молчаливые суровые фигуры, которые так необычно тихо сидели вокруг огромного стола из черного дерева.

— Они не пьяны, — пробормотал, наконец, он. — Они вообще не пили. Что, во имя Крома, все это значит?

Он переступил через порог. Голубой туман, завихрившись, тотчас же начал двигаться быстрее. Он слился, сгустился, и вот уже киммериец вынужден был бороться за свою жизнь со всей решимостью и оставшейся отвагой с... огромной черной рукой, которая легла ему на горло.

2. ПИРАТЫ

Большим пальцем ноги, обутой в изящную туфельку, Белеза пнула одну из раковин, перевернув ее, розовый край которой был похож на первый проблеск нового утра над туманным берегом.

Хотя утренний рассвет наступил уже давно, однако раннее солнце, разгонявшее жемчужно-серый туман, все еще не вошло.

Белеза подняла свое лицо с тонкими чертами и взглянула на чуждое сооружение, казавшееся ей отталкивающим и отвратительным. Не которые подробности этого сооружения действовали на нее угнетающе. Под ее маленькими и изящными ножками шуршал коричневый песок. Песок уходил к пологим волнам, которые терялись в голубой дымке далекого горизонта на западе.

Она стояла на южном изгибе широкой бухты. Здесь прибрежная местность заканчивалась низким каменным гребнем, который образовывал южную оконечность бухты. С этого возвышающегося гребня можно было видеть безрадостную, унылую гладь воды на юге, тянущуюся до самого горизонта. То же самое можно было наблюдать как на западе, так и на севере.

Повернувшись в сторону суши, она отсутствующим взглядом скользнула по форту, который уже в течение полутора лет был ее домом. В размытую голубизну неба, полощась на ветру, поднимаясь золотое с алым знамя ее дома. Но красный сокол на золотом коне не возбуждал ни какого воодушевления в ее девичьей груди, хотя флаг так победно реял после многочисленных побед на юге.

Она наблюдала людей, работающих в саду и на полях, разбросанных вокруг форта, которые в свою очередь, казалось, с испуга оглядывались на мрачную стену леса, протянувшуюся на север и на юг, насколько хватало глаз.

Они боялись этого мрачного леса и вместе с ними этот страх разделяло каждое маленькое поселение на этом берегу. Этот страх был отнюдь не безосновательным. В шепчущей таинственным голосом глубине леса подстерегала смерть — невероятно ужасная смерть, медленная и жуткая, скрывающаяся под военной раскраской, неизбежная и беспощадная.

Она печально вздохнула и вяло побрела к кромке воды. Каждый день, проведенный на этом берегу, был однотонным и похожим на все остальные, и мир городов и поместий, полный радости, увеселений и удовольствий,

казался не находящимся за тысячи километров, а затерянным в бесконечной дали прошлого. Она снова задумалась над тем, что же побудило графа Зингары бежать на этот дикий берег вместе со своей свитой и челядью, удалившись на тысячи миль от родной страны. Что вынудило его сменить дворец своих предков на эти убогие блокгаузы.

Взгляд Белезы стал мягче, когда она услышала тихие шаги по шелестящему песку. Девочка, еще ребенок, совершенно обнаженная, бежала к ней от гребня по низкой песчаной прибрежной полосе. Ее волосы цвета льна были мокрыми, они облепили ее небольшую головку. Голубые глазенки расширились от возбуждения.

— Леди Белеза! — крикнула она, выговаривая зингаранские слова с мягким офирским акцентом. — О, леди Белеза!

Задыхаясь от бега, малышка делала непонятные жесты. Белеза, улыбаясь, обняла ее рукой, когда девочка с разбегу ткнулась в ее колени, не обращая внимания на то, что ее одежда из тонкого шелка тут же намокла. В своей безрадостной жизни Белеза всю свою нежность дарила этому ласковому и доверчивому существу, этой бедной сиротке, которую она отняла у ее жестокого хозяина во время их долгого путешествия с южных берегов.

— Что случилось, Тина? Сначала переведи дух, ладно?

— Корабль! — воскликнула девочка и указала на юг. — Я плавала в пруду, небольшом водоемчике, оставшемся па берегу после отлива — по ту сторону каменного гребня — и я увидела его! Корабль, плывущий сюда с юга!

— дрожа всем телом от возбуждения, она тянула Белезу за руку, При мысли о скором посещении сердце молодой женщины тоже забилось быстрее. С тех пор, как они высадились на этом берегу, она еще не видела ни одного паруса.

Тина стрелой помчалась впереди нее по желтому песку, взрывая босыми ногами спокойную поверхность песчаной суши, огибая глубокие лужи, оставшиеся после прилива. Она вбежала на низкий, волнистый гребень и ожидающе остановилась — стройная белая фигурка с развевающимися волосами и рукой, протянутой к становившемуся уже светло-ярким небу.

— Посмотри туда, моя леди!

Белеза уже видела его белый, надутый ветром парус, вздымающийся на расстоянии всего лишь нескольких миль и плавно приближающийся ко входу в бухту.

Сердце ее забилось медленнее. Даже самое незначительное

происшествие могло внести яркие краски и увлекательное возбуждение в ее монотонную жизнь, но у Белезы было неприятное предчувствие, что этот надвигающийся корабль не принесет им счастья, и, что он не случайно появился у этого заброшенного берега. На севере не было портов, хотя, конечно, к ледяным берегам можно было приставать, а ближайший порт на юге находился на расстоянии около тысячи миль отсюда. Что привело чужаков в эту неизвестную никому бухту? Корвелы — так ее дядя называл это место с тех пор, как они здесь высадились.

Тина плотнее прижалась к своей госпоже. Страх исказил милые черты ее миниатюрного личика.

— Кто это может быть, моя леди? — пробормотала она, и удары ветра вернули румянец на ее побледневшие щеки. — Это тот человек, которого боится граф?

Белеза, наморщив лоб, глянула на нее сверху вниз.

— Почему ты говоришь это, детка? Откуда ты знаешь, что мой дядя чего-то боится?

— Так должно быть, — наивно ответила Тина. — Почему же он тогда укрылся в этом диком месте? Посмотри, моя леди, как быстро плывет этот корабль!

— Мы должны сообщить об этом дяде, — пробормотала Белеза. — Рыбачьи лодки еще не вышли в море, поэтому парус не видел ни один человек, кроме нас. Берись за дело, Тина. И поспеши!

Девочка устремилась вниз по склону к пруду, в котором она плавала, когда заметила корабль. Она подобрала свои сандалии, тунику, а также пояс, которые были разбросаны по песку. Затем она побежала назад, к гребню, одеваясь на ходу.

Белеза, озабоченно смотревшая на приближающийся корабль, поспешно догнала ее, взяла девочку за руку, и они вместе поспешили в форт.

Сразу же после того, как они прошли через дверь палисада крепости, прозвучал резкий звук рога, и испуганные рабочие в саду и на полях споро побежали к крепости, так же, как и люди, только что открывшие двери деревянных сарайчиков на боне, чтобы спустить на воду рыбачьи челны.

Каждый, оказавшийся за пределами крепости, отложил или бросил все, чем он занимался и, не оглядываясь и не теряя времени на то, чтобы обнаружить причину внезапной тревоги, быстро побежал к крепости. Только достигнув крепостных ворот, все без исключения оглядывались через плечо на темную окраину густого леса, чернеющего на востоке.

Они торопливо пробежали через ворота и мимоходом осведомлялись у

охранников, стоявших на подмостках под оградой палисада:

— Почему нас срочно отозвали назад? Что случилось? Пришли пикты?

Вместо ответа один из охранников, скупых на олова, подчеркнуто указал на юг. С его высокого помоста был виден движущийся парус. Люди карабкались на помост и всматривались в море.

Из маленькой обзорной башенки на крыше главного здания — которое, как и все остальные строения внутри ограды палисада, было выстроено из толстых стволов деревьев — граф Валенсо из Корзетты наблюдал за приближающимся парусом, за тем, как он огибает оконечность южного берега бухты. Граф был худым, мускулистым мужчиной в возрасте примерно пятидесяти лет. У него было мрачное, суровое лицо. Его узкие штаны и куртка были сшиты из черного шелка. Единственным, что у него было другого цвета, это сверкающие драгоценные камни на рукоятке его меча и винно-красная накидка, ниспадающая с его плеч. Он нервно крутил свои усы, потом мрачно взглянул на своего мажордома — человека со скучным взглядом и лицом, одетого в сатин цвета стали.

— Что вы думаете об этом, Гальбро?

— Это — карака, милорд, — ответил мажордом. — Карака с такелажем и парусами, как у кораблей бараханских пиратов, смотрите, вон там!

Он почти прокричал свои последние слова. Корабль уже обогнул выступающий в море кусок суши и теперь наискось плыл через бухту, вспенивая водную гладь. Все увидели флаг, который внезапно затрепетал на вершине мачты — черный флаг с контурами алой руки. Люди из форта испуганно уставились на это пугающее знамя. Все глаза теперь ожидающе повернулись к башне, на которой стоял их угрюмый хозяин в развевающейся на утреннем ветру накидке.

— Да, это — бараханец! — пробурчал Гальбро. — И если мне не изменяет память, это — «КРАСНАЯ РУКА, Стромбанни. Что ищет он у наших берегов, таких мрачных и безотрадных?

— Для нас этот корабль, несомненно, не сулит ничего хорошего, — пробормотал граф. Взгляд вниз сказал ему, что тяжелые ворота тем временем уже были закрыты, и капитан охраны, вооруженный блестящей сталью, распределял своих людей по постам. Некоторых — на бруствер у ограды, других — к нижним бойницам. Главные силы разместились вдоль западной части палисада, в центре которой находились ворота.

Сто человек, сто судеб, — солдаты, вассалы, крепостные и их семьи последовали в изгнание вместе с Валенсо. Среди них было сорок опытных

воинов, которые уже облачились в доспехи, нахлобучили шлемы и вооружались мечами, боевыми топорами и арбалетами. Последними были рабочие без кольчуг, но на них были надеты прочные и твердые кожаные туники. Они также были сильными и храбрыми людьми, которые могли умело обращаться с охотничьими луками, острыми топорами дровосеков и охотничьими пиками. Все они тут же заняли свои места и мрачно глядели на приближение своих заклятых врагов — потому что вот уже более столетия пираты с бараханских островов — маленькой группки островков к юго-западу от побережья Зингары — делали жизнь на морском побережье чрезвычайно опасной.

Люди на подмостках внимательно наблюдали за каракой, латунные части которой ослепительно блестели на солнце. Они видели на палубе судна суетящихся пиратов и слышали их крики. Вдоль поручней угрожающе поблескивала сталь.

Граф покинул башню и приказал своей племяннице и ее подопечной укрыться в доме. После этого он надел шлем и нагрудные латы, а потом угрюмо поднялся на подмости, чтобы принять на себя командование обороной форта. Его подданные наблюдали за его действиями с мрачной покорностью судьбе. Они намеревались продать свои жизни как можно дороже, однако, несмотря на довольно сильные позиции, у них едва ли сохранились шансы победить нападающих. Полтора года в этой пустыне при постоянной угрозе нападения диких пиктов из глубин темного леса у них за спиной, все время грызли их разум и сделали пессимистами. Их женщины молча стояли у дверей деревянных хижин или пытались успокоить разволновавшихся детей.

Белеза и Тина смотрели из одного окон главного дома, и молодая женщина почувствовала, как дрожит девочка. Она, словно защищая, обняла ее решительной рукой.

— Они бросили якорь у лодочной станции, — тихо проговорила Белеза. — Да, вот они спустили его в воду — это на расстоянии примерно трехсот футов от берега. Не бойся, малышка! Они не сумеют захватить наш форт. Может быть, им просто нужны свежая вода и мясо. Или же они ведут в этих водах погоню за кем-нибудь.

— Они плывут к берегу в длинной лодке! — взволнованно воскликнула девочка. — О, моя дорогая леди, я так сильно боюсь! Какие огромные и ужасные мужчины в доспехах! Посмотри же, как блестят на солнце их странные пики и шлемы! Они нас сожрут?

Несмотря на собственный страх, Белеза рассмеялась.

— Конечно, нет! Как ты могла так подумать?!

— Зингелито рассказал мне, что бараханцы едят женщин.

— Он только пошутил. Бараханцы ужасны, но они не хуже зингаранских ренегатов которые называют себя каперами. Зингелито однажды был капером.

— Это было ужасно, — пробормотала девочка. — Я так рада, что пикты разбили ему голову.

— Но, девочка! — Белеза передернула плечами, — Ты не должна так говорить. Посмотри, пираты высадились на берег. Они вышли из лодки, и теперь один из них направляется к форту. Это, должно быть, сам Стромбанни.

— Эй там, в форте! — донес ветер хриплый мужской голос.

— Я пришел сюда под белым флагом!

Одетая в шлем голова графа появилась над оградой палисада, и его серьезное лицо повернулось в сторону пирата. Пират остановился в пределах слышимости. Это был огромного роста мужчина без головного убора, с золотистыми волосами, какие иногда появляются в Аргосе. Из всех морских грабителей мало кто был известен так же, как он.

— Говори! — приказал Валенсо. — Хотя у меня нет абсолютно никакого желания выслушивать людей твоего сорта!

Стромбанни улыбнулся одними губами, но не глазами.

— Когда ваш галеон в прошлом году во время шторма ускользнул от меня недалеко от Транлибеса, я не мог даже подумать, что встретимся снова на пиктийском берегу, Валенсо. Но я уже тогда понимал, куда вы держите путь. Я понял это у Митры и сразу же начал вас преследовать. Я был приятно удивлен, когда некоторое время назад я увидел полощущееся на ветру знамя над фортом, к тому, же с красным соколом на полотнище, именно там, где я и ожидал. На голом пустынном берегу. Итак, я вас нашел!

— Кого нашли? — фыркнул граф.

— Не пытайтесь спорить! — этого стоявшего внизу огромного пирата внезапно прорвало. — Я знаю, почему вы прибыли сюда. Я приплыл сюда потому же. Где ваш корабль?

— Тебе не найти вообще ничего!

— У вас больше нет корабля! — с триумфом воскликнул морской разбойник. — Я вижу часть мачты галеона в заборе вашего палисада, хорошенькое дельце. Вы потерпели кораблекрушение высадились здесь и теперь я, наконец, получу так долго ускользавшую от меня добычу!

— Проклятье, о чем это ты вообще болтаешь! — вскричал граф. — Добыча?! Может быть, я бараханец, которого можно легко ограбить? Однако, если бы это и было так, что я мог бы добыть на этом пустынном

берегу?

— То, за чем вы пришли сюда! — холодно ответил пират. — То, за чем я прибыл на этот берег и что намереваюсь забрать. Но от меня легко отделаться. Отдай мне товар, мы тут же исчезнем и оставим вас в покое.

— Ты должно быть сошел с ума! — проревел Валенсо, — Я пришел в это место в поисках мира и уединения, и я наслаждался одиночеством, пока из-за моря не приполз ты, желтокожая собака! Убирайся прочь! Я не хочу больше разговаривать с тобой, я устал от пустых, беспредметных разговоров, Забирай своих негодяев и убирайся! Исчезни!

— Если я и исчезну, то только превратив твой жалкий фортишко в кучу золы и тлеющих углей! — бешено проревел в ответ пират, — Я спрашиваю тебя в последний раз, хотите вы спасти свою жизнь и выдать мне добычу? Здесь вы не получите от меня никакой пощады, у меня с собой сто пятьдесят отчаянных парней, которые едва могут дождаться, когда им будет позволено перерезать ваши глотки!

Вместо ответа граф сделал быстрый знак людям, разместившимся за оградой палисада. Немедленно через бойницу вылетела стрела, свистнула в воздухе и ударила в нагрудный панцирь Стромбанни.

Пират яростно заорал и побежал назад, к берегу, а стрелы тем временем продолжали свистеть вокруг него. Его люди также взревели и, размахивая клинками, стали приближаться.

— Проклятая собака! — в ярости воскликнул граф и ударил промазавшего лучника по голове своей закованной в металлические латы рукой, — Почему ты не попал в его гнусное горло? Будьте наготове, люди! Они приближаются!

Но Стромбанни добежал до своих людей и остановил их. Пираты растянулись длинной линией, достигающей угла западной части палисада и стали осторожно продвигаться вперед, изредка стреляя из луков. Хотя лучники морских разбойников были лучше зингаранских, им при каждом выстреле приходилось выпрямляться. Этим активно пользовались зингаранцы, которые, находясь под защитой частокола, могли со своей стороны выпускать стрелы и болты из арбалетов, предварительно хорошенько прицелившись.

Длинные стрелы бараханцев по крутой дуге летели через ограду палисада и, звонко дрожа, впились в карниз окна, через которое Белеза наблюдала за разворачивающимся боем. Тина всякий раз вскрикивала, оглядываясь на вздрагивающие древки впирающихся в дерево стрел.

Зингаранцы не отвечали на массированный обстрел соответствующим образом. Они целились тщательно, без ненужной спешки. Тем временем

женщины позабирали всех детей в хижины и подчинились судьбе, которую им уготовил бог.

Бараханцы были хорошо известны своей яростной тактикой нападения, но они были также осторожны, как и быстры, и не настолько глупы, чтобы гибнуть во время начала штурма палисада. Растянувшись широкой цепью, они медленно ползли вперед, используя малейшие укрытия, ямы, одиноко стоящие кусты, однако их вокруг было не так уж и много. Земля вокруг форта была расчищена, на тот случай, если нападут пикеты, что бы они во время своих атак не могли укрыться за естественными препятствиями.

Когда бараханцы постепенно приблизились к обороняющемуся форту, защитникам стало легче целиться и попадать в наступающих. Тут и там в песке валялись трупы, латы которых блестели на ярком солнце. Некоторые доспехи были пробиты тяжелыми арбалетными болтами, из тел других торчали боевые стрелы, особенно из незащищенных шей или подмышек пиратов. Раненые барахтались в лужах морской воды, окрашенной кровью, и стонали.

Пираты действовали гибко и быстро, как кошки. Они постоянно перемещались с места на место, и из-за этого непрерывного передвижения, перебежек и переползаний представляли из себя плохие мишени, кроме того, латы защищали их. Их непрекращающийся обстрел угрожал людям, Укрывшимся в форте, и заставляя их нервничать. Несмотря на это, было очевидно, что преимущество оставалось на стороне укрывшихся за деревянными стенами зингаранцев, пока шла только перестрелка.

Однако было видно, что возле ангара для лодок, который находился прямо на берегу, пираты быстро орудовали топорами. Граф яростно и грубо выругался, увидев, что враги сделали с их лодками, которые его люди соорудили из досок, с таким трудом напиленных из толстых стволов деревьев.

— Они строят передвижной заградительный щит, — с яростной злостью, воскликнул он, — Крайне необходима вылазка, пока они еще рассыпаны по берегу, прежде чем они изготовят этот щит.

Гальбро неодобрительно покачал головой и взглянул на почти безоружных работников с их неуклюжими охотничьими пиками.

— Наши стрелы убьют многих, кроме того, мы не можем вступать с ними в открытую рукопашную схватку. Нет, мы должны оставаться за оградой палисада и положиться только на свою оборонительную тактику.

— Великолепно, — недовольно пробурчал Валенсо, — но только в том случае, если они не вторгнутся в форт и не проникнут сквозь частокол.

Время шло, и стрелки с обеих противоборствующих сторон продолжали свою дуэль. Наконец, пестрая группа, состоящая примерно из трех десятков пиратов, приблизилась к форту, толкая перед собой гигантский щит, сколоченный из досок порушенных лодок и дерева, содранного с лодочного ангара. Они нашли арбу, сняли с нее колеса и прикрепили их к щиту; колеса эти, грубые, но вполне сносно вертящиеся, были изготовлены из дубовых досок. Толкая перед собой это тяжелое и громоздкое сооружение, грабители были неплохо защищены от разящих их стрел защитников форта, которые могли видеть только ноги пиратов.

Деревянный щит все ближе и ближе подкатывался к воротам крепости, Растянувшись цепью стрелки бежали к щиту, стреляя на ходу.

— Стреляйте! — ревел Валенсо, лицо которого сильно побледнело. — Остановите их раньше, чем они сумеют добраться до ворот!

Стрелы со свистом рассекали воздух над оградой палисада и с характерным звуком вонзались в плотное дерево, не причиняя ни какого вреда защитникам. Насмешливые крики были ответом на этот пиратский залп. В ответ неслись оскорбительные выкрики нападающих, поскольку стрелы и болты обороняющихся теперь все реже и реже достигали цели, барабаня по толстому щиту на колесах. Стрелы пиратов теперь попадали в бойницы. Один из солдат пошатнулся и, захрапев упал на бруствер со стрелой в горле.

— Стреляйте по ногам! — крикнул Валенсо. А потом: — Сорок человек с пиками и топорами к воротам! Остальные остаются в палисаде!

Песок взорвался под ногами морских грабителей, катящих щит, когда туда ударили арбалетные болты. Пронзительный вой, потрясший воздух, показал, что одна из стрел попала в нужную цель. Один из пиратов показался из-за щита. Он дико ругался и прыгал на одной ноге, пытаясь вырвать болт из раны в другой ноге. Через мгновение в него вонзилась дюжина стрел лучников форта.

Тем не менее, пираты с триумфальными возгласами уже подкатили щит к тяжелым воротам. Через заблаговременно пробитое отверстие в центре щита был просунут массивный таран с железным наконечником, сделанным из одного из стропил разобранного лодочного сарая. Ворота затрещали и немного подались во внутрь палисада, в то время, как остроконечные стрелы и смертоносные болты градом сыпались на атакующих, время от времени находя себе цель и вызывая вопли боли. Однако морские волки были переполнены жаждой сражения.

С громкими криками они раскачивали таран в такт движениям тяжелого стропила, в то время, как их товарищи, не обращая никакого

внимания на несколько ослабевший обстрел со стороны защитников крепости, устремились к форту со всех сторон, на бегу отвечая на обстрел из-за частокола своими стрелами.

Граф, грубо ругаясь, выдернул свой меч, прыгнул с бруствера и побежал к сотрясавшимся воротам. Отряд его солдат все еще продолжал беглый обстрел. Каждое мгновение ворота могли отойти еще больше, и тогда защитники закроют образовавшуюся в них брешь своими собственными телами.

Неожиданно грохот боя перекрыл новый звук со стоявшего на рейде у берега корабля прозвучал громогласный рев трубы. Сидевший на мачте судна человек, раскачиваясь, дико размахивал руками.

Стромбанни услышал рев трубы в то мгновение, когда его руки крепко обхватывали тяжелый таран. Он покрепче уперся ногами в песчаную почву, чтобы удержать бревно тарана, когда тот в результате резкой отдачи пойдет назад, мощные мускулы буграми вздулись на его руках и ногах. Он прислушался, капли пота блестели на его искаженном лице.

— Стойте! — взревел он, — Проклятье, да остановитесь же! Вы слышите!

В наступившей тишине звук трубы стал слышен еще лучше, и чей-то голос проревел что-то такое, что людям внутри палисада не удалось разобрать.

Но Стромбанни понял это. Он снова прорычал, задыхаясь, очередной приказ, сопровождаемый злобными проклятиями. Пираты бросили таран, и стали как можно быстрее отволакивать от ворот щит. Грабители, по которым осажденные в форте снова открыли огонь, быстро помогли подняться своим раненым и торопливо потащили их назад к воде.

— Смотри! — крикнула у своего окна Тина, подпрыгивая и жестикулируя от возбуждения и нескрываемого нетерпения. — Они Убегают! Все! Они бегут к морю! Смотри, они даже бросили свой щит! Они прыгают в шлюпку и гребут к своему кораблю! О, моя леди! Неужели мы их победили и они уходят!?

— Я думаю, нет, — Белеза взглянула на море, потом снова перевела взгляд на девочку. — Посмотри!

Она отодвинула занавески в сторону и высунулась из окна, ее звонкий молодой голос перекрыл звуки недоуменных голосов, переговаривающихся друг с другом защитников форта. Она снова поглядела наверх, потом туда, куда указывала ее хозяйка. Тина удивленно вскрикнула, когда увидела еще один корабль, который, величественно разрезая волны, огибал южную оконечность бухты. Пока они наблюдали за новым судном широко

открытыми глазами, он поднял королевский флаг Зингары.

Пираты Стромбанни вскарабкались на борт своей караки и стали быстро поднимать якорь. Прежде, чем новый корабль пересек половину бухты, «Красная рука», исчезла за северной частью его оконечности.

3. ТЕМНЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Голубой туман сгустился в ужасную темную фигуру, контуры которой пока еще расплывались. Она заполняла всю переднюю часть загадочной пещеры и

скрыла за собой молчаливые фигуры у стола. Конечно, кэтом полностью уверен, однако ему казалось, что он видит косматый мех, острые уши и два стоящих друг возле друга рога.

Пока длинная извивающаяся рука, как щупальца, сжимала его горло, киммериец мгновенно обрушил на нее свой пиктийский топор. От силы удара рукоятка топора переломилась, а медный клинок звеня ударился о гранитную стену. Однако, насколько он мог видеть, лезвие вообще не проникло в плоть противника. Для того, что бы ранить демона, недостаточно простого оружия. А когти уже сомкнулись, разрывая кожу, на его горле, чтобы сломать ему шею, словно это была обычная сухая ветка. С тех пор, как Конан боролся с Баалитефом в дьявольском замке Ханумана в Замбуле, никто больше не схватывал Конана с такой бешеной силой.

Когда волосатые пальцы коснулись его израненной кожи, варвар напряг стальные мускулы своей бычьей шеи и глубоко втянул голову в плечи; он сделал это для того, чтобы у его сверхъестественного противника оставалась как можно меньше площадь для захвата. Он уронил кинжал и сломанный топор, схватил за толстые, черные, узловато-когтистые пальцы, подпрыгнул, вскинул обе ноги высоко вверх и изо всех сил ударил пятками по груди кошмарного чудовища, вытянув свое тело в напряженную прямую линию.

Чудовищное сопротивление сильной стопы ноги киммерийца высвободило его из смертельного захвата, а обратная сила удара отшвырнула его назад в туннель, по которому он пришел сюда.

Он больно упал спиной на твердый каменный пол, и, перекувыркнувшись, снова оказался на ногах, не обращая никакого внимания на свои раны. Он был готов бежать или сражаться: смотря по обстоятельствам, потому, что ему предстояло.

Пока он, тяжело дыша, стоял, напряжинившись, и, как волк скалил зубы, его взгляд был устремлен на дверь, ведущую в опасную пещеру, он немного пришел в себя и стал ждать, что произойдет дальше. Но ничего не произошло. Потому что едва только Конан освободился от захвата монстра, он растворился и снова стал голубым туманом, из которого сгустившись,

это чудовище родилось.

Киммериец стоял в напряженной готовности к прыжку, либо к тому, чтобы повернуться и помчаться по пробитому в скале туннелю. Суеверный страх варвара безжалостно вгрызался в него. Хотя он и был почти совершенно бесстрашным человеком, когда дело касалось обыкновенных людей или привычных животных, однако все сверхъестественное и чуждое человеческой сущности будило в нем холодный ужас.

Итак, именно поэтому пикты не воспользовались предоставившимся им шансом, а вместо этого неожиданно повернули назад. Собственно говоря, он предполагал нечто подобное. Он постарался припомнить все, что когда либо слышал о демонах во времена своей суровой юности в покрытой свинцовыми облаками Киммерии, а потом в период странствий по большей части освоенного и цивилизованного мира — а также то, что довелось пережить самому. В данный момент он не мог вспомнить ни того, ни другого, ни третьего. Но когда этот воздушный, бестелесный дух обрел материальную форму, он увидел все его ограничения и скованность. Гигантское неуклюжее чудовище не могло бегать так быстро, как обычное смертное животное его размеров и очертаний. Конан был уверен в том, что сам он сможет бежать гораздо быстрее, чем такое вот чудовище.

Он собрал все своей мужество и с колотящимся от возбуждения сердцем проревел:

— Эй ты, проклятый ужасный монстр! Не потрудишься ли ты выйти?

Но не получил ни какого ответа.

Он подождал, но так и не дождался ответа.

Голубой туман клубился под каменным сводом пещеры, больше не сгущаясь в демонический силуэт. Внезапно Конан вспомнил Сагу никто о демоне, которого заколдовал какой-то чародей, чтобы демон этот убил группу чужеземцев, пришедших из-за моря. Однако он запер демона в той же самой пещере, где он заточил свои жертвы, и в которой он убил их, чтобы демон, которого он вызвал из ада, не мог напасть на него и разорвать его на куски.

Киммериец впервые обратил более пристальное внимание на сундуки, расставленные вдоль стен базальтового туннеля...

События в форте продолжали развиваться.

Граф приказал:

— Быстрее наружу! — он рванул засов ворот. — Уничтожьте щит прежде, чем чужаки высадутся на берег.

— Но ведь Стромбанни бежал! — воскликнул Гальбро, — А новый

корабль плывет под флагом Зингары!

— Делай то, что я тебе сказал! — прогремел разъяренно Валенсо, — Мои враги не только иностранцы-чужаки! Наружу, собаки! Тридцать из вас должны втащить щит в форт!

Прежде, чем зингаранский корабль бросил якорь у берега, тридцать самых дюжих мужчин подкатили щит к воротам и старательно, с натугой протащили его в форт.

Тина, выглядывавшая из окна, главного дома, удивленно спросила:

— Почему, это граф снова решил запереть ворота? Он, вероятно, боится того человека, который находится на приплывшем корабле?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, детка, — обеспокоенно отозвалась Белеза, хотя граф был отнюдь не тем человеком, который боится своих врагов, он никогда не рассказывал, почему же все-таки он отправился в это непонятное добровольное изгнание. Во всяком случае предположение Тины было определено беспокоящим, и не таким уж, быть может, невероятным.

Девочка, казалось, не слышала ее ответа.

— Все люди снова вошли внутрь форта, — сообщила она, — Ворота заперты и все люди возвратились на свои посты. Если новый корабль преследует Стромбанни, почему же он в таком случае не плывет за ним? Это не военная карака, а обычная галера. Посмотри вон туда, лодка с корабля идет к суше, в нашем направлении. На ее носу сидит человек в черном плаще, Днище лодки заскребло по песку. Человек в темной накидке спокойно шагнул на желтый песок, за ним последовали три его компаньона. Он был в высок, строен, и под его черным плащом блестели шелк и стальное лезвие.

— Стойте! — решительно прогремел граф, когда незнакомцы подошли ближе. — Я буду иметь дело только с вашим предводителем.

Высокорослый чужеземец снял свой шлем и почтительно поклонился. Его товарищи остановились и еще плотнее закутались в свои развевающиеся плащи. Моряки, оставшиеся позади них, опершись на весла, смотрели на флаг, трепетавший под порывами ветра над палисадом.

Когда чужак подошел настолько близко к воротам, что уже не требовалось громко кричать, чтобы понять друг друга, он сказал:

— Разумеется, между людьми чести не должно быть не доверия.

Яростно сверкнув глазами, Валенсо посмотрел на него, у чужеземца темная кожа, узкий нос хищной птицы и тонкие черные усы. На его шее, так же на рукавах можно было разглядеть тонкие кружева.

— Я не знаю вас, — произнес, поколебавшись, Валенсо. — Вы,

корсар, которого зовут Черный Зароно.

Чужеземец снова вежливо наклонил голову:

— Нет также никого, кто не знал бы Красного Сокола Корзетты.

— Мне кажется, что этот берег является обычным местом встречи негодяев всех южных вод, — недовольно проворчал Валенсо и спросил — Чего же вы хотите?

— Но, мой лорд, — отозвался Зароно, произнося фразу порицательным тоном, — Что это за приветствие для того, кто сослужил вам такую большую службу? Разве эта аргосианская собака Стромбанни не имел желаний протаранить ваши ворота? И разве он не смазал и не показал всем пятки, когда наш корабль обогнул мыс?

— Это так, — неохотно согласился посуровевший граф. — Хотя и не вижу разницы между пиратом и корсаром.

Зароно рассмеялся, не чувствуя себя оскорбленным и лихо подкрутил свои усы.

— Вы очень откровенны, мой лорд. Поверьте мне на слово, я не хотел поступать самовольно. Я только хотел попросить вашего разрешения бросить якорь в вашей бухте и отправить своих людей на охоту в этот великолепный лес, чтобы обеспечить команду свежим мясом, а также набрать чистой воды. А что касается меня, то я надеялся, что вы, быть может, пригласите мою скромную персону на стаканчик вина.

— Я не знаю, как я смогу удержать вас от этого. однако позвольте, Зароно, сказать мне только одно. В мой форт не войдет ни один из ваших людей. Если хоть один из них приблизится к крепостным стенам, хотя бы на сотню футов, он тут же получит стрелу в горло. И я предупреждаю вас, держите свои руки подальше от моего сада и моего скота. Я дам вам на мясо одного быка, но не больше! И если вам вздумается что-нибудь еще, смею вас заверить, что мы в форте сумеем удержаться против ваших людей.

— Против Стромбанни, как мне представляется, вам не удалось сделать этого, — немного насмешливо, со скрытой издевкой напомнил ему незванный гость.

— Тем не менее. Вы больше не сможете найти дерева для быстрой постройки щита, если только вы не свалите пару деревьев или не возьмете со своего корабля, — свирепо выдохнул граф, — Кроме того, ваши лучники не бараханские стрелки, и поэтому они не лучше моих людей. Не говоря уже о том что та ничтожная добыча которую вы сможете взять здесь в форте, не стоит таких крупных и занудных хлопот.

— Кто говорит о добыче и о нападении? — возразил Зароно. — Нет, мои люди всего лишь только хотят снова ощутить твердую землю под

ногами, и к тому же от однообразного питания на борту судна грозит вспыхнуть цинга. Вы позволите им высадиться на берег? И ручаюсь за их полное и добропорядочное поведение.

Валенсо с явной неохотой дал согласие. Зароно чуть насмешливо поклонился и с достоинством, размеренными шагами удалился назад, двигаясь так, словно он находился при дворе Кордавы — где он действительно, если слухи не были преувеличенными, когда-то был желанным гостем.

— Не впускай в форт никого, — Валенсо повернулся к Гальбро. — Я не доверяю этим ренегатам. Тот факт, что он отогнал головорезов Стромбанни от наших ворот, еще не гарантирует того, что он не перережет нам глотки и не сделает это с охотой и удовольствием.

Гальбро кивнул понимающе. Он, разумеется, знал о соперничестве и неприкрытой вражде, кровавой и длительной, между пиратами и зингаранскими корсарами. Пираты большей частью пополнялись за счет аргосианских моряков, которые пошли против закона. К исконной вражде между Аргосом и Зингарой в данном случае добавлялось еще и конкуренция, так как бараханцы и зингаранские корсары делали жизнь людей в городах на южном побережье небезопасной, и с одинаковой яростью они нападали друг на друга.

Таким образом, когда корсары вышли на пустынный берег, никто из них и не подумал направиться в сторону палисада. Загорелые парни носили пестрые шелковые одежды и сверкающую на солнце оружейную сталь. На головах у них были платки, а в ушах поблескивали золотые кольца. Около ста семидесяти человек разбили лагерь прямо на берегу, Валенсо заметил, что Зароно установил посты по обеим краям морской бухты. К цветущему саду они не приближались вообще. Они только взяли быка, на которого Валенсо указал им с палисада погнажи его к берегу и там зарезали, На песке был разведен костер, а на берег были вытащены сплетенные бочонки с пивом и немедленно откупорены. Другие бочонки, доставленные с корабля, корсары наполнили ключевой водой из источника, протекающего неподалеку к югу от форта. Несколько мужчин смело направились в лес. Увидев у края леса людей с корабля. Валенсо почувствовал себя обязанным окликнуть Зароно.

— Старайтесь не позволять своим людям ходить в этот лес. Возьмите лучше из моего стада еще одного быка, если вам действительно недостаточно мяса. Если ваши люди проникнут в лес, может весьма быстро и легко случиться так, что пикты прикончат их. Незадолго до того как вы здесь высадились, мы отстояли их кровавое нападение. С тех пор как мы

здесь, они убили одного за другим шестерых из наших людей. В настоящее время, однако, между нами существует вооруженное перемирие, которое, если говорить откровенно, висит на тонком волоске.

Зароно бросил заметно испуганный взгляд на угрожающе темнеющий неподалеку лес, потом поклонился и сказал:

— Я благодарю вас за своевременное предупреждение, мой лорд! Хриплым голосом, составляющим полный контраст с его вежливым тоном разговора с графом, он отозвал своих людей назад.

Если бы взгляд Зароно мог проникнуть сквозь стену леса, он, конечно, вздрогнул бы, увидев мрачную фигуру, которая с угрюмым нетерпением ожидала там и своими свирепыми глазами наблюдала за действиями высадившихся на берег чужаков. Это притаился жутко разрисованный воин, который за исключением набедренной повязки из кожи диких животных и пера птицы-носорога над левым ухом, был совершенно обнажен.

С наступлением вечера с моря на сушу надвинулась тонкая серая пелена и затмила небо. Красное с медным солнце село, и его кровавые лучи окрасили вершушки, пенящиеся и поблескивающие багровыми отблесками, черных волн взбесившегося моря. Туман все приближался. Медленно закручиваясь, он клубился у корневищ мрачных деревьев и, как дым, не спеша вползал в форт. Костер на берегу сквозь туманную дымку казался кроваво-красным, а песни и развеселый рев корсаров звучал и глухо, словно доносились откуда-то издалека. Предприимчивые корсары захватили с собой с корабля старый парус и вдоль берега — там, где на вертеле все еще жарились куски говядины, а пиво постепенно уже кончалось — была возведена просторная палатка.

Большие и тяжелые ворота форта были достаточно крепко заперты. Солдаты с копьями на плечах несли охрану на подмостках палисада, медленно шагал по брустверной насыпи и выглядывая через затаившийся частокол.

Капли тумана поблескивали на их шлемах. Они, казалось, были мало обеспокоены пылающим на песчаном берегу костром позади себя, и все свое внимание сконцентрировали на черной громаде леса, который сквозь уплотняющуюся завесу тумана теперь больше казался всего лишь нечеткой черной линией.

Двор форта обезлюдел. Сквозь щели хижины слабо пробивался мерцающий свет свеч. Трепещущие лучи света уныло струились из окон главного здания. Не было слышно ничего за исключением размеренных

шагов охранников, монотонного стука капель воды, падающих с крыш, и далекого пения отдыхающих корсаров.

Звуки пения слабо доносились в большой банкетный зал, где граф Валенсо сидел со своим незванным гостем за бутылкой вина.

— Ваши люди действительно рады, — пробурчал граф.

— Да, они рады снова ощутить твердую почву под ногами, — ответил Зароно. — Для меня это было десятое путешествие, упорная охота, — он любезно чокнулся с молодой женщиной и отпил глоток.

Вдоль стен стояла прислуга — солдаты в шлемах, лакеи в застиранных ливреях. Поместье Валенсо в этой дикой стране было всего лишь жалким подобием его некогда пышного двора в далекой Кордаве.

Главный дом, как он любил его называть, без сомнения в этом окружении представлял собой настоящее чудо.

Сто человек работали днем и ночью, возводя это строение. Хотя фасад здания был сделан из грубо отесанных бревен, так же, как и все остальные постройки и хижины в форте, однако внутри он напоминал дворцы Корзетты — естественно, насколько позволяли местные возможности.

Грубость бревен внутренних стен были скрыты за струящимися шелковыми занавесями, расшитыми золотом. Тщательно обработанные и отполированные до блеска корабельные балки образовывали довольно высокий потолок. Шуршащие ковры покрывали пол, а широкая лестница вела наверх, и ее массивные перила были раньше перилами на корабельной палубе.

Пляшущий огонь в широко открытом камине прогнал леденящий холод ночи. Свечи в великолепно украшенных серебряных подсвечниках, торжественно стоящие на большом столе из красного дерева, освещали обширное помещение и отбрасывали длинные шевелящиеся тени на лестницу.

Граф сидел во главе стола его племянница разместились справа от него, а мажордом — слева. Кроме того, за столом находились еще начальник охраны и корсар Зароно. Это маленькое общество занимало стол, за которым свободно могло разместиться по меньшей мере человек пятьдесят, и от этого он казался еще больше.

— Вы преследуете Стромбанни? — осведомился вежливо Валенсо. — Как давно вы его преследуете?

— Да, я действительно гоняюсь за Стромбанни, — рассмеялся весело Зароно, — Но ему не уйти от меня и моих матросов. Он ищет то же, что нужно и мне.

— Что могут пираты и корсары искать в этой голой и пустынной

стране?

— пробормотал озабоченно Валенсо и посмотрел на искристо играющее вино в своем бокале.

— Что могло привлечь сюда графа из Зингары? — спросил спокойно Зароно.

— Разложение королевского двора может очень просто заставить любого человека поступиться честью и благородством,

— Честные корзеттцы выносят его вот уже на протяжении нескольких поколений, — сказал Зароно безо всяких обиняков. — Мой лорд, утолите мое жаждущее любопытство — почему, вы все-таки продали свое богатое поместье, нагрузили ваш галеон скарбом из вашего двора, а потом просто исчезли из поля зрения короля и знати Зингары? И почему вы осели именно здесь, в этой дикой, заброшенной местности, если ваше имя и ваш меч могли обеспечить всем власть и авторитет в какой-нибудь достаточно развитой и цивилизованной стране?

Валенсо невозмутимо играл золотой цепочкой, висевшей у него на шее.

— Почему я покинул Зингару, — сказал он, — это только мое и ничье больше дело. То, что я сознательно обосновался здесь — чистая случайность. Всех своих людей я высадил на этот песчаный берег, а также выгрузил все упомянутые вами вещи, что бы некоторое время уединенно побыть здесь. К моему прискорбию, мой корабль, стоявший на якоре в бухте, во время шторма швырнуло на острые скалы северной ее оконечности и разбило вдребезги. Все это совершила неожиданно налетевшая с моря сильная буря. Такие штормы в некоторые временные сезоны в течение года здесь случаются весьма часто. Поэтому мне ничего не оставалось, как, естественно, остаться в этой тоскливой местности и устроиться получше.

— Итак, если у вас будет возможность, вы, по всей видимости, снова вернетесь к цивилизации?

— Но не в Кордаву. Может быть, в дальние страны, в Вендию или даже Китай...

— Здесь не слишком скучно для вас, моя леди? — Зароно в первый раз за весь вечер обратился непосредственно к Белезе.

Желание увидеть, наконец-то, хоть одно новое лицо и услышать хоть один новый, неизвестный голос пригнало девушку в банкетный зал, однако теперь ей захотелось вновь оказаться в собственной комнате, вместе с живой и вечно благодарной Тинной. В значении взгляда Зароно невозможно было ошибаться. Хотя речь его была холеной, тон достаточно вежливым и

светским, а лицо его серьезным и благородным, но это была лишь маска, постоянная маскировка, сквозь которую она видела властолюбивый и угрюмый характер этого только кажущегося благородным человека.

— Здесь очень мало разнообразия, — сдержанно ответила она.

— Если бы у вас был корабль, — снова без обиняков спросил Зароно у хозяина дома, — покинули бы вы в этом случае форт?

— Вполне вероятно, — ответил граф.

— У меня имеется корабль, — сказал Зароно. — Если мы придем к соглашению...

— Соглашению? — Валенсо от неожиданности поднял голову и недоверчиво, вперемежку с угрюмостью, взглянул на своего гостя.

— Я удовлетворюсь только некоторой не слишком значительной долей, — объяснил Зароно. Он быстро забарабанил пальцами по поверхности стола. Узловатые пальцы, лихорадочно выстукивающие нервный ритм, были похожи на какого-то отвратительного паука. Было заметно, что они мелко подрагивали, а глаза корсара сверкали от возбуждения.

— Долей чего? — Валенсо, заметно удивленный, уставился на собеседника. — Деньги, которые я захватил с собой в это путешествие, утонули вместе с моим кораблем и в отличие от разбитого дерева их не выбросило на берег.

— Нет, не это! — энергичные жесты Зароно становились нетерпеливыми. — Не будем замазывать друг другу глаза, мой лорд. Вы утверждаете, что только благодаря чистой случайности вы высадились именно здесь, хотя вы могли выбрать тысячу других мест на этом незаселенном побережье.

— Я не вижу никаких оснований, для того, чтобы утверждать, — холодно ответил Валенсо. — Мой рулевой, которого зовут Зингелито, раньше был корсаром. Он, оказалось, знал эти берега и посоветовал мне высадиться именно в этом месте побережья. Он сообщил мне, что у него для этого есть основания, о которых, по его выражению, он расскажет мне позже, когда настанет время. Однако он так и не выполнил своего обещания, потому, что уже в день нашего прибытия сюда он исчез в лесу. Позже мы нашли его обезглавленный труп. Очевидно, его убили пикты.

Зароно, явно не поверивший словам хозяина дома, некоторое время пристально смотрел на графа.

— Ну хоть что-то! — наконец выдавил он. — Я верю вам, мой лорд. Корзеттцы не искусны во лжи, какими бы другими не очень-то хорошими способностями они не обладали. Я делаю вам достаточно откровенное

предложение... Должен признаться, что принимая решение бросить якорь в этой уютной бухте, я подразумевал совсем другие планы. Я считал, что вы уже заполучили драгоценности, и я намеревался, честно говоря, хитростью или силой захватить этот форт и перерезать глотки всем, кто здесь находится. Но обстоятельства сложились таким образом, что мне пришлось изменить свои намерения... — Он посмотрел на Белезу весьма многозначительным взглядом, от которого у нее покраснели щеки, и она постаралась придать своему порозовевшему лицу, высокомерное выражение. Зароно, как ни в чем ни бывало, продолжил:

— В моем распоряжении имеется корабль, который вам может пригодиться для того, чтобы убраться отсюда вместе со всей семьей и парой других людей, которых вы сами выберете. Другим, по все видимости, придется выбираться отсюда рассчитывая только на свои собственные силы.

Обслуга и лакеи, стоящие вдоль стен, незаметно обменялись озабоченными взглядами, Зароно успел заметить реакцию слуг, но ничем не показал этого.

— Однако, сначала вы должны помочь мне найти сокровища, за которыми, собственно, я плыл за многие тысячи миль.

— Во имя Митры, какие сокровища? — рассерженно спросил граф. — Теперь вы рассуждаете, как этот гнусный пес Стромбанни.

— Вы когда-нибудь слышали о Кровавом Траникосе, величайшем из бараханских пиратов?

— Кто же о нем не слышал? Этот человек был тем, кто ворвался в каменную крепость на острове, где находился в изгнании принц Стигии

Тотмекти, у бил там всех людей и нагло похитил сокровища, которые принц прихватил с собой, бежав из страны Шем.

— Совершенно верно. Это известие о драгоценностях, подобно падали притягивающей стервятников, привлекло людей всего Красного Братства — пиратов, буканьеров и даже вольных корсаров со всего юга. Траникос, сильно опасаясь предательства со стороны своих сотоварищей бежал на север на собственном корабле, и больше его никто и в никогда не видел. Это произошло всего около ста лет назад.

— Но согласно распространившимся слухам, — продолжал Зароно, — один из его сподвижников пережил это трудное путешествие и вернулся на Бараханские острова, однако его корабль захватила боевая зингаранская галера. Но прежде чем его повесить на рее, он рассказал свою невероятную историю и своей кровью нарисовал на пергаменте карту. Однажды через кого-то ему удалось передать карту неизвестному лицу. Тот поведал

следующее:

Траникос удалился далеко в неизведанные воды и, отыскав на каком-то пустынном берегу одинокую бухту, бросил там якорь. Осмотревшись, он сошел на берег, взял с собой захваченные драгоценности и одиннадцать человек, которым он больше всего доверял. По его приказу корабль дрейфовал вдоль берега, а примерно через неделю это судно должно было вернуться в бухту, к месту высадки, чтобы забрать на борт Траникоса и сопровождающих его людей. А тем временем Траникос хотел спрятать драгоценности где-то поблизости. Корабль, как и было условлено, вернулся в назначенное время, но нигде не было видно никаких следов Траникоса и его товарищей, если не считать примитивной хижины, одиноко стоящей на пустынном берегу.

Найденная хижина была кем-то разрушена, а вокруг нее были четко видны отпечатки голых ног, однако ничто не указывало на то, что здесь произошло сражение. Отсутствовали также какие бы то ни было следы драгоценностей или тайника. Пираты отправились в лес на поиски своего пропавшего предводителя. С ними пошел боссонец, который умел великолепно читать следы, потому что раньше долго был лесным жителем. Он смог обнаружить следы ушедших на старой тропе. Следы вели на восток на многие мили. Когда пираты после продолжительного похода так и не обнаружили Траникоса, но изрядно устали, намотавшись по лесным дебрям, один из пиратов залез на дерево. Этот человек сообщил, впереди, неподалеку от места их стоянки, из зарослей леса, подобно башне поднимается скала. Они быстро собрались и направились к замеченной скале, однако вскоре на них напал отряд воинов-пиктов и вынудил их вернуться на корабль. Прежде чем они вернулись на Бараханские острова, во время плавания сильный шторм разбил корабль, и в живых остался только один человек.

Это и есть история о драгоценностях Траникоса, которые напрасно ищут искатели кладов уже целое столетие. Известно, например, что существует карта, но где она может находиться — никто не знает.

Мне когда-то было дозволено взглянуть на эту таинственную карту. Со мной были Стромбанни, Зингелито и один немедиец, примкнувший к бараханцам. Мы имели возможность видеть ее в Мессантии, где мы, переодевшись под местных жителей, провели недурно вечер. В одном из кабаков, где мы всю кутили и веселились, кто-то толкнул лампу и кто-то закричал в темноте. Когда удалось зажечь свет снова, старому скряге, которому принадлежала эта карта, воткнули в сердце острый нож. Карта безвозвратно исчезла. В ответ на вопли в помещение вбежала охрана

копьями наперевес, чтобы выяснить, кто и почему орал. Мы сообразили, что нам пора побыстрее убираться, и каждый из нас ушел своим собственным путем.

В течение года я и Стромбанни выслеживали друг друга, потому что каждый из нас думал, что карта находится у другого. Ну, а теперь ясно, что это не так. Однако совсем недавно я услышал, что Стромбанни отправился в плавание, отбив на север, и я последовал за ним. Вы оказались концом этой погони.

Как я уже говорил, я только мельком видел эту карту, когда она лежала на залитом дешевым вином столе перед стариком, но поведение Стромбанни доказывает, что он считает, что это именно та самая уединенная бухта, в которой высадился Траникос.

Я предполагаю, что Кровавый Траникос спрятал захваченные драгоценности на скале, которую увидел наблюдатель пиратов, или, возможно, где-то возле нее. Однако, как я уже говорил, на обратном пути на них напали пикты и убили их. Во всяком случае, дикие пикты не завладели драгоценностями Траникоса, потому что в противном случае эти сокровища всплыли бы где-нибудь. Все-таки уже достаточно много торговцев подходило к этим берегам и вело меновую торговлю с прибрежными туземными племенами. Но никто из местных туземцев не предлагал ни золота, ни драгоценных камней.

А теперь я хотел бы изложить вам свое предположение.

Мы хотим, что бы вы вступили в сотрудничество с нами. Если мы станем сотрудничать, то мы сумеем их разыскать. Мы сможем начать поиски, не откладывая, и у вас в форте останется достаточно людей, чтобы продержаться, если на нас внезапно нападут. Я совершенно уверен, что тайник находится неподалеку от крепости. Мы обязательно найдем его, погрузим драгоценности на мой корабль и отплывем в направлении одной из дальних гаваней, где я смогу золотом стереть память о своем прошлом. Я не хочу такой жизни, она мне надоела. Я хочу вернуться назад к цивилизации, и прожить остаток жизни как богатый человек, в изобилии и довольстве, с многочисленной прислугой и женой благородной крови.

— Даже так? — граф, полный подозрений, удивленно поднял брови.

— Отдайте мне в жены вашу племянницу, — без церемоний потребовал корсар.

Белеза возмущенно вскрикнула и с негодованием вскочила с кресла.

Валенсо тоже поднялся, лицо его побелело.

Его пальцы судорожно стиснули бокал, словно он намеревался запустить его в голову своему надоедливому собеседнику. Зароно не

пошевелился. С руками на крышке стола, с пальцами, вытянутыми и согнутыми, как когти, он сидел совершенно неподвижно. С почти невозмутимым видом. Только глаза его блестели страстью и у грозой.

— Как вы могли отважиться... — воскликнул Валенсо.

— Вы, кажется, забыли, что вы уже вылетели из седла, граф Валенсо! — зло пробурчал Зароно, — Мы здесь не при дворе Кордавы, мой лорд. На этом пустынном берегу, омываемом безбрежным морем, нужно сменить благородство на открытую мускульную силу. И, разумеется, оружие. Уж об этом то я позаботился. Чужой живет в вашем дворце в Корзетте, а все ваше состояние покоится на дне соленого моря. Если я не предоставлю в ваше распоряжение свой корабль, вы весь остаток своей жизни проведете на этом нудном песчаном берегу, как отшельник.

— Вам, — Зароно вновь стал невозмутим, — не придется раскаиваться в породнении между нашими домами. Под новым именем и с нашим баснословным богатством Черный Зароно начнет свою жизнь среди дворянства этого мира, а вы по получите зятя, которого вам не придется стыдиться в Корзетте.

— Вы сошли с ума! — граф рассерженно вскочил. — Вы... что это?

Это был перестук легких ножек. В банкетный зал вбежала Тина. Она рассеянно сделала реверанс и поспешила к столу, чтобы вцепиться своими хрупкими пальцами в побелевшие пальцы Белезы.

Она тяжело дышала, ее щеки были мокрыми, а ее льняные волосы приклеились ко лбу.

— Тина! Как ты здесь оказалась? Я думала, что ты находишься в своей комнате!

— Так оно и было, — ответила девочка, переведя дыхание.

— Но я потеряла нитку кораллов, которую вы, моя леди, мне подарили. — она подняла ее вверх, демонстрируя. Это было не ценное украшение, но девочка любила его больше всего, больше чем все остальные вещи, потому что это был первый подарок Белезы, — Я очень боялась, что вы не позволите мне искать ее, если вы об этом узнаете, моя дорогая леди. Жена одного солдата помогла мне выйти из форта и снова вернуться назад домой. Но только очень прошу вас, моя леди, не требуйте от меня, чтобы я назвала имя этой доброй женщины. Я пообещала ей, что не выдам ее. Я нашла коралловую нитку на берегу пруда, где купалась сегодня утром. Накажите меня, если я сделала что-то плохое.

— Тина! — простонала Белеза и прижала хрупкое тельце девочки к себе.

— Я тебя еще никогда не наказывала. Но ты не должна покидать форт, на берегу расположились корсары, и все еще существует опасность того, что дикие пираты незаметно подкрадутся к нашему форту. Пойдем, я отведу тебя обратно в комнату и помогу тебе сменить промокшую одежду.

— Да, моя леди, — пробормотала Тина, — Но сначала позволь мне рассказать о черном человеке...

— Что? — невольно сорвалось с губ графа Валенсо. Бокал выскользнул из его пальцев и со звоном разбился об пол. Кусочки хрусталя разлетелись в стороны. Он обеими руками вцепился в полированную крышку стола. Его фигура согнулась, словно в его мощное тело попала молния. Лицо его исказилось и мертвенно побледнело. Потерявшие цвет глаза глубоко запади в глазницы.

— Что ты сказала, девочка? Повтори, пожалуйста. — Задыхаясь, произнес он глухим голосом. Он так грозно и дико глянул на ребенка, что та испуганно прижалась к Белезе. — Что ты сказала, повтори!

— Черный человек, мой лорд, — произнесла в испуганная Тина. А в это время Белеза, Зароно и обслуживающие стол люди обеспокоенно смотрели на осунувшегося графа. — Когда я бежала к пруду с морской водой, чтобы найти свою забытую утром нитку жемчуга и кораллов, я увидела его. Ветер дул сильно и жутко стонал, а море кипело словно потревоженное каким-то страшным происшествием. И тут — появился он. Он приплыл на странной черной лодке, окруженный голубыми струями пламени, которые, конечно же не были факелами или лампами. Он вытащил свою причудливую лодку на берег около южного рога нашей бухты и зашагал к черному утесу. В тумане он казался настоящим гигантом — высокий, сильный человек, темный, как кушит...

Валенсо резко пошатнулся, словно ему неожиданно нанесли смертельный удар бичом. Он схватился за горло и поспешно сорвал золотую цепь. Со страшным выражением лица сумасшедшего он торопливо затолкал ее в карман и вырвал девочку из объятий Белезы.

— Ты маленькое лживое чудовище! — прокаркал он. — Ты врешь. Ты все выдумала. Ты слышала, как я говорил во сне, и теперь ты специально лжешь, чтобы помучить меня. Признавайся, что ты лжешь, пока я не отодрал твою лживую глотку от плеч!

— Дядя! — испуганно и возбужденно воскликнула Белеза. Она поспешно попыталась освободить Тину от грубой хватки обезумевшего внезапно графа. — Вы в своем уме? Что происходит? Что все это значит?

Он со злобным ворчанием оторвал ее нежные пальцы от своей шероховатой руки, развернулся и толкнул ее так, что она, споткнувшись от

толчка, оказалась в руках Гальбро, который смотрел на нее с нескрываемым любопытством.

— Пощадите, мой лорд, — воскликнула Тина. — Я не солгала вам!

— А я говорю, что ты лжешь, противная девчонка! — прохрипел разгневанно Валенсо. — Гобелез!

Явившийся на его зов слуга равнодушно схватил ребенка и сорвал с нее тонкое платье с ее спины. Он поднял Тину и повернул ее, завернул ее слабые ручонки за худенькую спину и снова поднял ее, обиженно бьющуюся и молотящую ногами во все стороны, от пола.

— Дядя! — вскричала Белеза и постаралась защититься от захвата Гальбро, в котором явно проскальзывало неприличное возбуждение. — Вы, должно быть, сошли с ума, дядя! Не можете же вы... о, не можете же вы... — отчаянный крик придушенно застрял в ее горле, когда Валенсо потянулся за бичом из плетеной воловьей кожи с украшенной драгоценными камнями вычурной рукояткой.

Он с дикой яростью так сильно хлестнул девочку по жалкой спине, что между ее голыми лопатками вздулась красная полоса.

Крик Тины больно резанул Белезу, дрожь пробрала ее до самых костей. Ей стало плохо. Мир перед ее глазами внезапно затрещал по всем швам и стал расползаться.

Словно в кошмарном сне она видела лица солдат, слуг, но в выражениях их лиц не было в никакого сочувствия или жалости. Надменное лицо Зароно тоже стало частью этого невероятного кошмара.

Девушка почти ничего не замечала в этом кроваво окрасившемся тумане, который неотвратимо надвигался на нее. Она видела только бледное, дрожащее тельце несчастной Тины, хрупкая спина которой до самой шеи была покрыта вспухающими красными полосами, крест-накрест пересекающимися друг друга, и не слышала ничего, кроме криков боли ребенка и тяжелого дыхания Валенсо, когда он, сверкая сумасшедшими глазами избивал девочку, и бешено ревел.

— Ты лжешь! Проклятье, ты нагло лжешь! Поклянись, что ты все это выдумала, или я оторву тебе поганую голову. Он не может преследовать меня здесь!

— Пощадите, мой милостивый лорд, молю вас! — визжала обезумевшая от боли девочка. Она тщательно пыталась спрятаться за широкие спины невозмутимых слуг. От боли, отчаяния и обиды она не подумала о том, что ложь могла спасти ее от дальнейшего безжалостного избиения. Кровь вишневыми жемчужинами медленно скатывалась по ее ногам, — Я видела его! Я не лгу! Клянусь, мой лорд! Не лгу! Пощадите! А-

а-а-а!...

— Идиот! Идиот! — кричала Белеза вне себя. — Разве вы не видите, что она говорит правду. О... Вы — животное! Грязное, бездумное животное!

Разум, казалось, начал вновь возвращаться к Валенсо. Он опомнился. Выронил бич и, весь содрогаясь, опустился на край стола, за который он так слепо и произвольно держался. Казалось, на него неожиданно накатился приступ лихорадки. Его волосы мокрыми прядями приклеились к изрезанным морщинам лица, и пот блестел на его лице, которое превратилось в ужасную маску.

Гобелез отпустил Тину, и девочка жалким рыдающим комочком опустилась на пол, прижалась к дереву, словно пыталась слиться с ним воедино. Белеза вырвалась из рук Гальбро. Сотрясаясь от рыданий, девушка подбежала к избитому, ребенку и опустилась перед девочкой на колени. Она прижала ее к себе, с рассерженным выражением лица, гневным взглядом оглянулась на дядю, словно пытаясь уничтожить его справедливым негодованием. Однако тот даже не взглянул в ее сторону.

Граф, казалось, совершенно забыл с племяннице и о своей жалкой и слабой жертве. Она не поверила своим ушам, когда он, обратившись к черному корсару, произнес:

— Я принимаю ваше предложение, Зароно. Во имя Митры, мы разыщем эти проклятые сокровища и навсегда исчезнем с этого дьявольского берега.

При этих предательских словах огонь его гнева превратился в золу. Не способная больше сказать ни слова, девушка подняла рыдающую девочку на ослабевшие руки и понесла ее вверх по лестнице, пошатываясь и замедляя шаги.

Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Валенсо сидит за большим столом и вливает в себя красное вино из огромного бокала, сжимая его дрожащими узловатыми руками, а Зароно, нагнувшись словно стервятник, стоит перед ним.

Очевидно, он тоже был совершенно ошеломлен происшествием, но он также готов был использовать эту перемену в настроении графа. Он говорил с ним тихим, но твердым голосом, а Валенсо отупело кивал, соглашаясь, словно он едва слышал то, что ему говорят.

Гальбро задумчиво стоял одиноко в тени, обхватив пальцами подбородок, а слуги, толпившиеся вдоль стен, украдкой переглядывались друг с другом, пораженные внезапным надломом своего господина.

Войдя в комнату, Белеза положила наполовину потерявшую сознание девочку на кровать и стала промывать кровавые полосы на ее спине, а затем стала смазывать рассеченные участки кожи смягчающим боль маслом.

Тина слабо всхлипывала, однако не сопротивлялась движениям нежных рук своей госпожи. Белезе показалось, что мир рухнул. Она чувствовала себя совершенно потерянно, жалкой и дрожала от последствий шока, вызванного ужасными переживаниями и нервным срывом. Она боялась своего дядю и ярости, непредвиденно проснувшейся в его сердце. Она никогда не любила его. Он был строг, не проявлял никаких теплых чувств по отношению к своим близким, и, кроме того, был скуп и алчен. Однако, по крайней мере, до сих пор она считала его справедливым и храбрым человеком.

Она содрогалась от отвращения, вспоминая его бешеные, помутневшие глаза и искаженное страхом, побелевшее лицо. Что-то так сильно испугало его. Но до потери контроля над сознанием. Почему-то он считал существо, запавшее ему в сердце, таким ужасным, что решил продать свою единственную племянницу этому печально известному морскому вору и грабителю. Что скрывалось за этим внезапным помрачением рассудка? Кто был тот черный незнакомец, которого видела Тина?

Девочка бормотала в полубреду:

— Я не лгала, моя леди! Я действительно не лгала! Я на самом деле видела черного человека на черной лодке, которая держалась на голубом огне. Это был очень и очень большой человек, темный, почти как кушит, и на нем развеялся черный плащ. Я так сильно испугалась, когда увидела его, что у меня кровь застыла в жилах. Он вышел из лодки, вытащил ее на песок и отправился в лес. Я не лгала, не обманывала. Почему граф жестоко избил меня только за то, что я видела этого ужасного черного человека?

— Тс-с-с, Тина, — Белеза попыталась успокоить мечущуюся девочку. — Лежи тихо и спокойно, тогда противная боль пройдет.

Дверь позади нее открылась.

Белеза выпрямилась и схватила украшенный драгоценными камнями кинжал. На пороге стоял граф Валенсо.

При взгляде на него, у нее по спине пробежали нервные мурашки. Он, казалось, постарел. Его лицо стало серым и напряженным, а в его глазах присутствовал нескрываемый страх.

Он никогда не был близок ей, однако теперь она почувствовала, что их разделяет чудовищная пропасть. Тот, кто сейчас стоял перед ней, перестал

быть ее родным дядей. Перед ней возвышался чужак, который пришел мучить ее.

Она подняла кинжал.

— Если вы еще раз поднимите на нее руку, — яростно прошептала она. — Я воткну этот клинок в ваше сердце, клянусь Митрой.

Он вообще не обратил внимания на ее слова.

— Я поставил охрану вокруг главного дома, — бесцветно произнес он. — Завтра Зароно приведет в форт своих людей. Он не покинет бухту, пока не найдет сокровища. Как только он обнаружит их, мы отплывем. Куда поплывем? Решим по пути.

— И вы хотите продать меня ему? — выдохнула она. — Во имя Митры...

Он бросил на девушку мрачный взгляд. Она отшатнулась от него, потому что прочитала в его глазах, в изгибе губ, в дергающихся бровях бессмысленный ужас, от которого этот человек почти сошел с ума. Но почему? Это оставалось загадкой.

— Ты сделаешь то, что я тебе прикажу, — сказал он, и в его голосе чувств было не больше, чем в звоне оружия. Он резко повернулся и покинул комнату. Белеза бессильно опустилась на кровать Тины.

4. ЧЕРНЫЙ БАРАБАН ГРЕМИТ

Белеза не имела понятия, как долго она находилась без сознания. Придя в себя, она почувствовала на себе руку Тины и услышала ее прерывистые рыдания. Она с трудом встала и взяла девочку на руки. Сухими глазами сна невидяще уставилась на мерцающее пламя свечи. В доме было совершенно тихо. Даже корсары на берегу моря больше не пели и не орали. Тупо, почти против своей воли, девушка начала размышлять над возникшей проблемой.

Совершенно очевидно, что известие о появлении таинственного черного человека повергло Валенсо в состояние, близкое к сумасшествию.

Чтобы ускользнуть, спрятаться от нагоняющего на него непреодолимый ужас, граф хотел покинуть форт и бежать вместе с Зароно. В этом не было никаких сомнений.

Было также ясно, что граф был готов принести ее в жертву для того, чтобы получить возможность бежать. Она не видела для себя никакого проблеска. Слуги и солдаты были бесчувственными, тупыми и эгоистичными созданиями, а их жены — ограниченными и равнодушными. Они не отважатся помочь ей, они вообще не хотели делать этого. Она оказалась совершенно в беспомощном состоянии.

Тина подняла припухшее, заплаканное лицо, словно прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу. Понимание ребенком ее отчаянных мыслей и проникновенное сочувствие были почти невероятными так же, как и понимание ее ужасной судьбы и единственного пути к бегству, который еще оставался у нее.

— Ты должна обязательно бежать отсюда, моя леди! — всхлипнула девочка. — Зароно не должен получить вас. Уйдем в лесную чащу и будем идти, пока не устанем. Потом мы ляжем на траву и умрем вместе.

Трагическая перспектива последнего пути бегства наполнило до краев все исстрадавшееся существо Белезы. Это был единственный выход из страны кошмарных теней, в которую она погружалась все глубже и глубже со времени их непонятного бегства из Зингары...

— Да, так мы и сделаем моя девочка.

Пошатнувшись, она поднялась, слепо нащупала свой плащ, снова качнулась, а затем обернулась, услышав тихий зов Тины.

Девочка, напрягшись, стояла перед ней и пыталась совладать с дрожью. Она прижала пальчики к сомкнутым губам, а глаза ее

расширились от страха.

— Что случилось, Тина? — искаженное страхом лицо девочки заставило Белезу непроизвольно понизить тон голоса до шепота, и ледяная рука сжала ее ослабевшее сердце.

— Кто-то там в коридоре, снаружи, — прошептала напуганная Тина, больно вцепившись в руку Белезы. — Он остановился прямо перед нашей дверью, потом тихонько ускользнул дальше, к комнате графа в другом конце коридора.

— Твои уши, дитя мое, слышат лучше, чем мои, — пробормотала Белеза, — Но это еще ничего не значит. Вероятно, это был сам граф или, по всей видимости, Гальбро.

Она хотела открыть дверь, однако Тина крепко обвила ручонками ее шею, и Белеза почувствовала, как бешено колотится сердечко этой несчастной маленькой девочки.

— Нет, моя леди! Не нужно! Не открывайте дверь. Я очень боюсь. Я не знаю, почему, но я чувствую, я ощущаю, что поблизости бродит что-то недоброе, страшное!

Находясь под впечатлением умоляющих слов девочки, Белеза полуобняла одной рукой ребенка, а другую протянула к маленькому металлическому кружку закрывавшему крошечное смотровое отверстие в центре двери.

— Он возвращается! — прошептала Тина. — Я его слышу!

Теперь Белеза тоже кое-что услышала — странные скользящие шаги, которые не могли принадлежать никому из тех людей, кого она знала. Она знала также, что это не был Зароно, который носил сапоги. Теперь и ее наполнил непреодолимый страх. Быть может, это корсар шел босиком по коридору, чтобы убить во сне своего гостеприимного хозяина? Она вспомнила о солдатах, которые несли охрану внизу.

Даже если коварному корсару удалось пробраться в комнаты главного дома, Валенсо, несомненно, выставил охранников перед дверью своей комнаты. Но кто же, в таком случае, крался по затемненному коридору?

Кроме ее самой, Тины, графа и Гальбро никто не спал в верхних покоях и не имел права находиться на верхнем этаже.

Торопливыми движениями руки она погасила пламя свечи, чтобы трепещущий свет не мог проникнуть в смотровое отверстие, когда она решится сдвинуть в сторону металлический кружок.

В коридоре не было никакого света, хотя обычно он горел всю ночь, освещая бледным мерцанием свечей узкий коридор.

Кто-то бесшумно двигался вдоль темного прохода. Она скорее

почувствовала, чем увидела, как размытый силуэт таинственной фигуры скользнул к ее двери.

Она успела различить только то, что это был мужчина. Ледяной ужас охватил ее. Она непроизвольно пригнулась и не смогла выдать ни звука, хотя отчаянный крик вот-вот должен был непроизвольно сорваться с ее помертвевших губ.

Это был не тот ужас, который она теперь испытывала перед своим дядей. Это был не такой страх, который она испытывала перед негодяем Зароно. Это был не такой страх, который всякий раз нагонял на нее темный, мрачный лес. Это был слепой, необъяснимый ужас, который намертво стиснул ее сердце и парализовал язык.

Неясная фигура скользнула дальше, по направлению к лестнице, где она быстро пересекла полоску слабого света, струящегося снизу.

Несомненно, и она в этом убедилась, это был мужчина, но не из тех, кого она знала. На мгновение она разглядела гладко выбритую голову и мрачное лицо с резкими чертами хищной птицы. Кожа незнакомца была коричневого цвета и блестела. Его кожа была намного темнее, чем у тоже далеко не светлокотких людей из прибрежных племен. Голова незнакомца была посажена на широкие, сильные плечи, на которые был накинут черный плащ. Взметнулись края этого странного одеяния, и чужак уже исчез.

Белеза затаила дыхание и стала ждать требовательных окликов солдат, находящихся в банкетном зале, которые вне всякого сомнения должны были увидеть незнакомца. Но в главном доме по-прежнему стояла непотревоженная тишина. Вдали заунывно стонал ветер. И все еще ничего не было слышно.

Руки ее стали влажными от страха, когда она осторожно нащупала свечу, чтобы снова зажечь ее. Она все еще дрожала от охватившего ее ужаса, хотя и не могла с абсолютной уверенностью сказать, что было такого ужасного в этой черной фигуре, которую осветил красноватый отсвет огня в камине в нижнем зале.

Она воспринимала только то, что внешний облик незнакомца лишил ее всякого мужества и совсем недавно заново обретенной решимости.

Свеча трепетно замерцала и осветила бледное, осунувшееся лицо Тины.

— Это был черный человек! — прошептала лихорадочно девочка. — Я знаю это! Я чувствую. Моя кровь застыла точно также на берегу бухты. Однако там внизу солдаты, как же они не заметили его? Нужно ли вам сообщить графу об увиденном?

Белеза решительно покачала головой. Она не хотела, чтобы снова повторилась та ужасная сцена, которая последовала вслед за первым же упоминанием Тины о черном человеке. И, кроме того, она теперь не отважилась выйти в коридор, который внушал ей гораздо больше, чем просто непреодолимый страх.

— Теперь мы не можем бежать в лес, — голос Тины дрожал. Ее вцепившиеся пальцы были холодными. — Он подстерегает вас там!

Белеза не стала спрашивать, откуда девочка знает, что черный человек остался в лесу, потому что в конце-концов лес, его непроходимые заросли были естественным укрытием всего зла, человеческого и сверхъестественного.

И она понимала, что Тина, несмотря на свой возраст, была права. Теперь она не могла решиться уйти из жизни по собственной воле. Она беспомощно опустилась на край кровати и судорожным движением закрыла лицо руками.

Тина наконец заснула. Слезы блестели на ее ресницах. Она беспокойно металась от боли. Белеза осталась сидеть.

Под Утро Белеза осознала, что воздух стал невыносимо тяжелым и душным. С моря доносился глухой рокот вперемежку с ревом и грохотом. Она задула почти полностью сгоревшую свечку, отставила в сторону огарок и подошла к окну, откуда ей было видно море, а также часть мрачного леса.

Туман рассеялся, и на восточном горизонте появилась узкая бледная полоска — первый признак приближающегося рассвета. Однако на западе над морем собралась плотная масса свинцовых облаков. Ослепительные молнии периодически пронизывали темное облачное скопление, грохотал гром, совершенно неожиданным эхом отдававшийся в темнеющем рядом с фортом лесу.

Испуганная Белеза сосредоточила свое внимание на чернеющей стене леса.

Оттуда до ее ушей доносился странный, ритмичный пульсирующий звук, который, несомненно, не был боем барабанов пиктов.

— Барабан! — всхлипнула во сне Тина. Она судорожно стиснула и расслабила пальцы, так и не пробудившись от сна. — Черный человек... бьет в барабан в черном лесу! О, Митра, защити нас!

Белеза содрогнулась. Мороз пошел по коже спины. Темная туча на западном горизонте и менялась, беспорядочно клубилась, вспухала, непрерывно расширялась.

Белеза удивленно наблюдала за превращениями облачной массы. В

прошлый год в это время здесь не было штормов, и такой пугающей тучи, как рождавшаяся перед ее взором, она никогда не видала.

Черная туча приближалась с края мира гигантской массой непрерывно пульсирующей черноты, пронизываемой голубыми всполохами молний. Казалось, что ветер вспучил самое ее нутро. Взрывающийся гром заставлял содрогаться воздух, который вибрировал, порождая нервозность, беспокойство и угрозу.

Потом к ужасным громовым раскатам примешался другой, не менее ужасный звук — завывание ветра, мчавшегося к берегу, вместе с торопящейся массой облаков.

Чернильно-черный горизонт непрерывно разрывали всполохи молний, придавая окружающему миру искаженные, гротескные очертания. Она разглядела как далеко в море вздымаются волны, гребни которых венчали пенные короны. Она слышала жуткий грохот, который по мере приближения тучи становился оглушающим.

Однако на берегу бухты еще сохранялась тишина, царило спокойствие. Не чувствовалось ветра. Духота стояла чудовищная. Каким-то таинственным образом разница между надвигающимся буйством природы, ее невероятных сил, и давящей тишиной здесь, на берегу, казалась совершенно нереальной. Внизу в доме с хлопаньем закрывали ставни, и какая-то женщина высоким голосом вскрикнула от страха. Однако большинство людей в форте, было похоже, спали и совершенно не замечали приближающегося шторма.

Как ни странно, но загадочный грохот барабана в лесу все еще продолжал рвать утреннее спокойствие на побережье.

Белеза посмотрела на темный лес и почувствовала, как у нее по спине побежали липкие мурашки. Она ничего там не видела, кромку леса ничто не нарушало, однако перед ее мысленным взором появилась ужасная черная фигура, которая, присев под темными деревьями и бормоча странные заклинания, была в причудливый барабан.

Белеза отогнала эту призрачную картину разыгравшегося воображения и снова посмотрела в сторону моря, где разрезающие небо молнии чертили свои наэлектризованные символы сине-голубым цветом. В их коротких ослепительных вспышках она видела мачты корабля Зароно, палатки корсаров на берегу, песчаный гребень южного рога бухты и мрачающие с приближением шторма скалы северного рога. Все это было видно как при солнечном свете.

Завывание ветра становилось все сильнее и громче. Настало время и теперь проснулись люди в главном доме. По лестнице затопали ноги, и в

громком голосе, принадлежащем Зароно, слышались нотки страха.

Распахнулись двери и пирату ответил Валенсо. Он должен был реветь, чтобы его можно было расслышать и понять.

— Почему меня не предупредили об этом шторме, надвигающемся с западного направления? — злобно проорал корсар. — В такой свистопляске все может случиться. Если сорвет с якоря...

— В это время года с западного направления еще никогда не приходили штормы! — проревел в ответ Валенсо, выскакивая из своей комнаты с побелевшим лицом, хаотично растрепанными волосами и в одной ночной рубашке. Это работа... — следующие слова были заглушены дробным топотом ног, когда он взбегал по лестнице в обзорную башню. Корсар, не отставая спешил за ним по пятам.

Белеза испуганно присела на стул у своего окна. Рев ветра становился все сильнее, пока, наконец, не заглушил все другие звуки, кроме сумасшедшего грохота неведомого барабана в пугающем лесу. Казалось, что дробный звук барабана словно поднялся на тон выше и стал триумфальным.

Шторм с тяжелым гулом обрушился на песчаный берег, пригнав перед собой высокий вспененный гребень мощной волны длиной в милю. А потом на берегу разразился самый настоящий ад. Спокойствие и тишина еще минуту назад умиротворенного сонного берега превратились в бурлящую преисподнюю.

Ливень хлестал по берегу. Гремел гром, а взбесившийся ветер с ревом налетал на деревянные строения форта. Все вокруг содрогнулось под натиском стихии. Волны мгновенно накатились на прибрежную полосу песка, сметая все на своем пути, и залили большой лагерный костер к корсаров.

В блеске сверкающих молний, пробивающих плотную завесу ливня, Белеза увидела, как палатка моряков была резко сорвана и в одно мгновение унесена прочь, а сами люди, с огромным трудом, прикладывая огромные усилия, потому что бушующий шторм норовил швырнуть их на землю, медленно побрели в направлении форта, словно в нагруженные большим грузом.

В свете вспышки следующей молнии девушка увидела, что корабль Зароно сорвало с якоря и с чудовищной силой сначала расплющило, а потом разорвало об испещренные трещинами береговые утесы.

5. ЧЕЛОВЕК ИЗ ГЛУШИ

Шторм утих, и утреннее солнце показалось на ясном, голубом, вымытом дождем небе. Пестрые птицы, оживившись и вылетев из своих неизвестных убежищ, перелетали с ветки на ветку и пели свои утренние приветственные песни, а на свежих зеленых листьях, мягко колышущихся под легким бризом, как бриллианты блестели капли дождя.

У ручейка, извивавшегося по пробитому руслу к морю, за кустами и последними деревьями на краю леса, пригнулся человек, чтобы вымыть руки в чистой ключевой воде. Он занимался утренним туалетом так же, как и другие его сородичи, брызгаясь и полоща горло, словно буйвол.

Затем прекратив полоскаться, он внезапно поднял голову. Вода сбегала по его мокрым волосам и тоненькими ручейками стекала между его мощными плечами. Он напряженно прислушался и схватился за меч. Он стал пристально вглядываться вглубь суши.

Неизвестный мужчина, даже еще крупнее и сильнее, чем он сам, направлялся, взметая песок, прямо к нему. Глаза светловолосого пирата расширились, когда он увидел плотно облегающие ноги штаны, высокие сапоги с широкими длинными отворотами, развевающийся плащ и головной убор, какие были в моде около ста лет назад. В руке приближающегося человека была широкая сабля, которой он и замахнулся.

Узнав мужчину, пират побледнел.

— Ты! — не веря своим глазам, выдохнул он. — Во имя Митры, ты!

Проклятье сорвалось с его искаженных губ, когда он выдернул меч. При звоне клинков пестрые птицы испуганно и непрерывно вереща взлетели с ветвей освеженных деревьев. Когда клинки ударились друг о друга, посыпались голубые искры, и песок захрустел, завихрился под каблуками сапог вступивших в схватку. Потом металлический звон стали завершился глухим ударом, и мужчина, захрипев, опустился на колени. Рукоятка меча выскользнула из его ослабевшей руки, и он рухнул на окрасившийся в красное песок.

В последнем усилии он пошарил рукой, ощупал свой пояс и что-то вытащил из него. Он попытался поднести это что-то к губам, но в тот самый момент по телу его пробежала дрожь, и пальцы его разжались.

Победитель нагнулся над вытянувшимся телом и высвободил из сведенных судорогой пальцев то, что в них было зажато.

Зароно и Валенсо стояли на берегу и мрачно смотрели на обломки дерева, которое уныло собирали их люди. Жалкие остатки мачт и разбитые доски. Шторм с такой силой раздробил корабль Зароно о прибрежные скалы, что нигде не осталось ни одной целой доски, ни одного неповрежденного бруса или распорки.

Немного позади них стояла Белеза, обняв руками Тину, которая прижалась к девушке. Он была бледна и апатична. Она без интереса прислушивалась к разговору. Знание того, что она является беспомощной пешкой в чужой игре, угнетало ее. При этом ей было все равно, как закончится вся эта игра приведет ли она остаток своей жизни на этом безотрадном берегу, или, став женой бесчестного человека, которого она презирала, вернется к цивилизованной жизни.

Зароно грубо и неприлично выругался, а Валенсо был словно оглушен случившимся.

— Сейчас не время для штормов, — пробурчал граф, повернув свое осунувшееся лицо с заостренным носом к людям, которые медленно собирали остатки. — Это не случайность. Шторм был нанесен, чтобы разбить корабль и сделать невозможным мое бегство отсюда. Бегство? Я сижу, как крыса в западне, как это и было задумано. Нет, не только я, мы все в западне.

— Я не имею никакого представления, о чем вы говорите, — пробормотал расстроенный Зароно и резко дернул свой ус. — Мне не удалось услышать от вас ни одного разумного слова с тех пор, как эта светловолосая девчонка так напугала вас своим рассказом о черном человеке, который пришел из-за моря. Однако я знаю, что мне совершенно не хочется провести остаток своей жизни на этом проклятом берегу. С кораблем погибли десять моих людей, верных сподвижников, но у меня осталось еще сто шестьдесят человек, да и у вас есть около сотни. В вашем форте имеются инструменты, а в этом, чертовом лесу растет достаточно деревьев. Как только мы наловим из моря достаточно обломков, я отправлю своих людей валить деревья. Мы общими усилиями построим новый корабль.

— Для это нам потребуются месяцы, — зло пробурчал Валенсо.

— Вы можете предложить лучший способ провести время? Мы застряли здесь, при чем надолго, и мы уберемся отсюда только в том случае, если построим новый корабль. Мы создадим нечто вроде лесопилки. Главное инструменты есть. До сих пор, если я чего-нибудь хотел, я всегда добивался своего. Я надеюсь, что шторм разбил также и корабль Стромбанни. Пока нашли люди строят корабль, мы отыщем

драгоценности Траникоса.

— Мы никогда не сможем построить корабль. — Обреченно вздохнул Валенсо.

Зароно рассерженно повернулся к нему.

— Когда вы наконец будете говорить так, что бы я смог понять вас? Кто такой этот проклятый черный незнакомец?

— Да, действительно, проклятый, — пробормотал Валенсо, уставившись на голубизну моря и думал о чем — то своем. — Тень моего кровавого прошлого, которая жаждет забрать меня в ад. Из-за нее я бежал из Зингары и надеялся, что после моего продолжительного путешествия по дальним морям и странам она потеряла мой след. Но я должен был знать, что она, в конце-концов, все-таки отыщет меня, где бы я ни находился.

— Если этот парень таинственным образом высадился здесь, на этом берегу, он, должно быть, укрылся где-то в лесу, — пробурчал недовольно Зароно. — Мы прочешем лес и обязательно отыщем его.

Валенсо хрипло рассмеялся.

— Легче и проще поймать тень от облака, или клоч тумана, поднявшийся в полночь из болота. И гораздо менее опасно голой рукой пытаться в темноте нащупать и схватить ядовитую кобру.

Зароно бросил на графа странный взгляд. Очевидно он сильно сомневался в здравом рассудке графа Валенсо.

— Кто этот человек? Откажитесь же от этих ваших мелочных тайн?

— Тень моей собственной жестокости и безудержной алчности. Ужас из прошлых времен. Это — не смертный из плоти и костей, а...

— Эй! Смотрите! Там парус! — проревел наблюдатель на северном роге бухты.

Зароно повернулся, и его громкий голос резко раздался в воздухе.

— Ты узнаешь этот корабль?

— Ага! — завопил кто-то, чей голос из-за большого расстояния было трудно различить. — Это — «Красная рука».

— Стромбанни! Будь он проклят — В ярости воскликнул Зароно. — Ему помогает сам дьявол! Как ему, черт побери, удалось ускользнуть от бури? — Голос корсара превратился в злобный рев, отдававшийся эхом по всему берегу. — Назад в форт, собаки!

Пока «Красная рука» очевидно мало поврежденная, покачиваясь на волнах, огибала рог, берег обезлюдел, зато за палисадом тесно, вплотную друг к другу торчали одетые в шлемы и повязанные пестрыми платками головы.

Корсары примирились со своими новыми союзниками. Они обладали

большой приспособленностью искателей приключений к любым обстоятельствам, а люди графа смотрели на новоявленных буйных друзей с равнодушием крепостных.

Зароно скрипнул зубами, когда к берегу, рассекая спокойные волны, направилась длинная лодка. Он увидел на носу шлюпа светловолосую голову своего злейшего конкурента. Лодка подошла к берегу, и выпрыгнувший на песок Стромбанни один направился в форт.

Он остановился на некотором расстоянии от крепостной стены и проорал зычным голосом, который был хорошо слышен в утренней томной тишине.

— Эй, в форте! Я пришел, чтобы вести с вами переговоры.

— Почему же, во имя всех семи кругов преисподней, ты этого не делаешь? — мрачно и сверкая глазами ответил Зароно.

— Когда в последний раз я пришел сюда под белым флагом, в мои нагрудный панцирь ударила стрела с остро отточенным наконечником — проревел в ответ пират.

— Ты сам вынудил нас к этому. — крикнул на реплику пирата Валенсо. — Я тебя предупредил, что ты только зря теряешь время!

— Во всяком случае, как ты видишь, я не требую гарантии, чтобы подобное больше не повторилось!

— Я даю тебе свое слово! — насмешливо крикнул ему Зароно.

— Твое слово проклято, зингаранская собака! Я требую слова Валенсо!

Граф еще сохранил какую-то часть своего достоинства. Когда он ответил, голос его, несомненно, все еще внушал уважение.

— Подойди ближе, но смотри, чтобы твои люди оставались там, где они сейчас находятся. В тебя больше не будут стрелять.

— Этого мне достаточно, — тотчас же заверил его Стромбанни. — Какие бы грехи Корзетты ни лежали на вашей совести, граф, однако ваше слово действительно что-то значит, на него вполне можно положиться.

Он подошел поближе, шага я вперевалку по взрыхленному песку, и остановился у ворот. Он усмехнулся Зароно, который в свою очередь яростно сверкал на своего врага глазами.

— Ну, Зароно, — насмешливо произнес он, — теперь у тебя кораблем меньше, чем во время нашей последней встречи. Вы, зингаранцы, никогда не были особенно хорошими моряками.

— Как тебе удалось спастись, ты — мессантийская крыса? — прогремел корсар.

— В паре миль к северу отсюда находится уютная бухта, защищенная

длинной песчаной косой, которая и укротила бешенство шторма, — ответил, расплывшийся в улыбке, Стромбанни. — Я укрылся там, хотя якоря и сорвало, однако вес и масса «Красной руки» удержали ее вдали от берега.

Зароно сумрачно наморщил лоб. Валенсо упрямо молчал. Он ничего не знал об этой бухте. Он вообще исследовал со своими людьми только маленький пяточок близлежащей суши. Страх перед пиктами и настоятельная необходимость занять работой своих людей в форте удерживали его от тщательного изучения окружающего форта ландшафта.

— Я здесь появился для того, чтобы заключить с вами договор об обмене, — равнодушно объяснил свое возвращение Стромбанни.

— Нам нечем с тобой меняться, кроме обмена ударами мечей, — пробурчал Зароно.

— Я придерживаюсь другого мнения, — легкая, самодовольная улыбка играла на тонких губах Стромбанни. — уже достаточно того, что вы убили и ограбили Галакуса, моего Первого Офицера. До сегодняшнего дня я считал, что драгоценности Траникоса находятся у Валенсо. Но я ошибался. Если бы это в самом деле было так, вам не нужно было бы упорно преследовать Галакуса и убивать его, чтобы завладеть его картой.

— Картой? — в недоумении воскликнул Зароно и пожал плечами.

— Как будто не знаешь, о чем идет речь! — Стромбанни засмеялся, но в его глазах сверкала ярость. — Я знаю, что она у вас. Пикты, как известно, не носят сапог!

— Но... — смущенно начал граф, однако моментально умолк, когда Зароно сделал ему предостерегающий знак.

— Ну, даже если у нас имеется карта, чем тогда ты сможешь нас заинтересовать?

— Впустите меня в форт, — предложил Стромбанни. — Там, внутри, мы можем спокойно поговорить и обсудить все необходимые детали соглашения, — он не ответил на поставленный вопрос, хотя люди на платформе за частоколом палисада хорошо понимали, что пират явно намекает на свой корабль.

Этот факт был главным козырем. Безразлично, приводил ли он к войне, или к торговле. Не имело значения, у кого он находился в руках, главную роль играло только то, что он существовал и сейчас покачивался на водной глади у берега. Кто бы не отплыл на этом корабле в море, все равно здесь должно было остаться много людей. Все молчащие люди на платформе думали об одном и том же.

— Твои люди останутся там, где они есть, — решительно предупредил

Зароно и указал на длинную лодку на берегу и корабль, стоящий в бухте на якоре.

— Очень хорошо, просто замечательно — но не воображай, что ты можешь захватить меня как простофилю. Я требую честного слова Валенсо о том, что я покину его крепость живым, независимо от того, придем мы к соглашению или нет.

— Я даю тебе слово, — заверил его граф.

— Ну, хорошо. Итак, ты сейчас откроешь ворота, потом мы откровенно поговорим друг с другом.

Ворота были открыты, потом войны снова закрыли их тяжелые створки, и предводитель пиратов исчез из виду, а люди по обе стороны крепостной стены остались на своих местах, внимательно наблюдая за действиями друг друга люди за частоколом палисада и люди у большой лодки, присевшие на корточки; между ними — полоска песка и узкое пространство воды между пиратами, находящимися у перил араки с обнаженными мечами, блестящими в солнечном свете.

Под широкой лестницей над банкетным залом, пригнувшись насколько позволяло ограниченное пространство, спрятались Белеза и Тина, незаметные для людей внизу, которые расселись вокруг длинного стола; Валенсо, Гальбро, Зароно и Стромбанни. Кроме них в большом зале больше не было никого.

Стромбанни выпил предложенное ему вино одним жадным глотком и поставил на стол пустой бокал. Он откровенно симулировал честность и открытость нарочитым выражением искренности, однако в глазах его стояли жестокость и коварство. Он без обиняков решительно перешел к делу.

— Мы все сильно заинтересованы в драгоценностях, которые старый Траникос упрятал где-то поблизости от этой бухты в неизвестном нам месте,

— начал он хрипло. — У каждого из нас есть что-то, что необходимо другим. У Валенсо имеются работники, снаряжение, припасы, инструменты и форт, предоставляющий нам защиту от пиктов. У тебя, Зароно, оказалась моя карта. Я же располагаю кораблем.

— Я не понимаю одного, — пробурчал недовольно, скрывая истинные чувства, Зароно, — если у тебя все это время находилась карта, почему же ты в таком случае еще раньше не взял себе спрятанные Траникосом сокровища.

— У меня ее не было. Этот пес Зингелито заколол старого скрягу и в

темноте свистнул у старика его карту. У него не было ни корабля, ни экипажа матросов. Ему потребовалось больше года пока он нашел и то, и другое. Когда он, наконец-то, стал уверен, что сможет заполучить сокровища, пикты помешали ему высадиться, убили многих его людей, отправившихся с ним на поиски поживы, и вынудили его вернуться обратно в Зингару. Один из пиратов выкрал у него карту и только недавно продал ее мне.

— Следовательно, именно по этой причине Зингелито выбрал эту проклятую бухту, пробурчал Валенсо, обратившись, видимо, к некоторым воспоминаниям своего недавнего прошлого.

— Значит, вас, граф, привел сюда этот пес? — спросил Стромбанни. — Я хочу поблагодарить его за это. Где он?

— Наверное, в аду, в конце концов, он раньше был корсаром, и порядочным негодяем. По всей видимости, дикие пикты зарубили его, когда он отправился в лес искать сокровища.

— Великолепно! Просто потрясающе! — довольно произнес Стромбанни. Он потер руки. — Меня, естественно, волнует то, что карта была у моего Первого. Многого произошло. Я доверял ему, и мои люди верили ему больше, чем мне. Итак, я передал карту возле самого леса, он отделился от остальных и, когда мы его нашли в высокой траве, растущей на песке, он, судя по всему, был заколот в поединке. Песок был затоптан, трава примята. Люди уже были готовы обвинить в случившемся меня, но тут, к счастью, мне удалось найти следы его неизвестного убийцы, и я, разумеется, доказал этим идиотам, что эти отпечатки обуви не могли быть оставлены моими сапогами. Я также сразу же увидел по многим признакам, что этого не мог сделать никто из моих людей, потому что ни у кого из них не было сапог со столь характерным рисунком подметки. А пикты: как вы знаете, вообще не носят сапог. Поэтому этого зингаранца-предателя должны были убить только вы!

— Итак, — помолчав, продолжал он, у вас есть карта, однако нет сокровищ. Потому что, если бы они у вас были, вы не допустили бы меня в форт. Теперь я установил это наверняка и уверен, что это так. Вы не можете выйти за пределы крепостных стен, чтобы отправиться на поиски клада, потому что мы не спускаем с вас глаз и, кроме того, у вас нет корабля, на котором вы могли бы вывезти их отсюда.

За столом сохранилось молчание.

— Теперь, — сказал пират, — выслушайте мое предложение. Зароно, ты даешь мне карту. А вы, Валенсо, обеспечиваете меня свежим мясом и другими продуктами, необходимыми для похода. После долгого

путешествия нам не хватает многого, и моим людям грозит цинга. А за это я доставлю вас троих, а также леди Белезу вместе с опекаемой ею девочкой куда-нибудь, откуда вы сможете легко достичь одного из зингаранских портов.

Он оглядел их и добавил:

— А Зароно я охотно высажу там, где ему захочется и где он сможет встретить корсаров, потому что в Зингаре его, вне всякого сомнения, ждет петля виселицы. И кроме того, я буду великодушен и передам вам некоторую часть сокровищ.

Корсар в задумчивости нервно подергал ус. Конечно, он сомневался в том, что Стромбанни даже на мгновение подумал о честном соблюдении договора на таких условиях. Кроме того, у Зароно не было намерения соглашаться на подобное предложение, даже если бы у него действительно оказалась карта. Однако, если он просто отклонит высказанное пиратом предложение, возникнут жаркие споры. Поэтому он задумался над тем, как ему обмануть пирата, потому что корабль был весьма соблазнительной приманкой, и нужен ему не менее, чем утерянные сокровища.

— Как ты думаешь, что нам может помешать схватить тебя и вынудить твоих людей отдать нам твой корабль в обмен на твою жизнь?

Стромбанни издевательски рассмеялся.

— Ты действительно считаешь меня таким дураком? Мои люди получили приказ при первых же признаках предательства поднять якорь и немедленно покинуть вашу бухту. Будь уверен, что они сделают то же самое и в том случае, если я не вернусь в условленное время. Вы не получите корабля даже в том случае, если перед их глазами с меня живьем сдерут шкуру. Их не разжалобит подобное зрелище. Кроме того граф Валенсо дал мне свое слово.

— Я еще никогда не нарушал своего слова, — мрачно произнес Валенсо. — Достаточно угрозы, Зароно.

Корсар промолчал. Он был всецело занят разгадыванием проблемы, как ему заполучить корабль Стромбанни и продолжить нудные переговоры, не показывая, что у него нет карты. Он спрашивал себя, кто же, во имя Митры, на самом деле забрал карту?

— Позволь мне взять на борт корабля своих людей, — сказал он. — Я не могу, как ты понимаешь, бросить на произвол судьбы свой верный экипаж, который служил...

Стромбанни презрительно фыркнул:

— Почему ты не требуешь также мою саблю, чтобы перерезать мне горло? Чтобы не бросить на произвол судьбы своих верных людей — ха!

Ты продал дьяволу своего родного брата, если тебе заплатят за него достаточную цену. Нет, дорогой мой, ты сможешь взять с собой не более двух человек, а этого ни в коем случае недостаточно для захвата моего корабля.

— Дай нам один день, чтобы спокойно все обсудить, — спокойно попросил Зароно, чтобы потянуть время.

Стромбанни так грохнул кулаком по столу, что из бокалов выплеснулось вино.

— Нет, во имя Митры! Я требую немедленного ответа!

Зароно вскочил. Его хищная ярость одержала верх над хитростью и лукавством.

— Ты, грязная бараханская собака! Ты сейчас получишь ответ — прямо в твоё поганое брюхо.

Стремительным движением левой руки он отбросил плащ в сторону, а правой схватился за меч. Стромбанни с грохотом вскочил. Он поднялся так быстро, что стул позади него опрокинулся и с громким стуком покатился по полу. Валенсо торопливо встал и протянул руку, чтобы отделить друг от друга двух сцепившихся мужчин, которые уже наполовину вытащили свои тяжелые мечи и с искаженными взаимной ненавистью лицами смотрели друг на друга.

— Господа! Я вас очень прошу! Зароно, я же дал ему слово.

— К черту ваше слово! — корсар оскалил зубы.

— Остановитесь, мой лорд! — произнес пират веселым голосом, полным жажды крови. — Вы дали мне слово, что в отношении меня не будет осуществлено никакого коварного предательства. Но я не считаю нарушением слова с вашей стороны, если я в честном бою обменяюсь с этой гнусной собакой несколькими ударами меча.

— Вот это правильно, Стром! — внезапно произнес позади них глубокий и сильный голос, казавшийся одновременно и свирепым, и веселым, и властным. Все повернулись на его звук и непроизвольно открыли рты и глаза. Белеза с огромным трудом смогла подавить рвущийся из груди крик.

Из двери, ведущей в соседнее помещение, вышел незнакомый человек. Он без колебаний, но и без лишней поспешности подошел к столу. Этот мужчина казался хозяином положения. В воздухе повисла напряженная тишина.

Чужак был еще больше, чем корсар и пират, и у него было больше преимуществ. Его еще более мощная, чем у этих двоих, фигура, и мускулистая фигура, казалось, излучала мощь и силу. Несмотря на

некоторую громоздкость телосложения, он двигался с гибкостью пантеры. На нем были сапоги с длинными отворотами, штаны из кожи и белого шелка, а под открытым небесно-голубым, развевающимся плащом была видна шелковая рубашка с открытым воротом и алый кушак вокруг талии. У плаща были желудеобразные застежки из серебра, сатиновый воротник, карманы и обшлага. Одевание было украшено золотой вышивкой. Блестящая кожаная шляпа завершала костюм, какие носили около ста лет назад. На боку чужака висела тяжелая сабля.

— Конан! — воскликнул корсар и пират одновременно.

Валенсо и Гальбро разом затаили дыхание, услышав это имя.

— Совершенно правильно, Конан, — гигант, насмешливо улыбаясь застывшим как немые статуи присутствующим в зале, подошел к столу.

— Что вы здесь делаете? — запинаясь, выдавил из себя мажордом. — Как вы прошли сюда незванным и так незаметно?

— Я перелез через палисад с восточной стороны, пока ваши глупцы беспорядочно толпились у ворот, — невозмутимо ответил Конан. Он говорил по зингарански с варварским акцентом. — Все они вывихнули себе шеи, всматриваясь на запад. Я вошел в дом, когда Стромбанни пропустили в ворота. С этого времени я с интересом прислушивался к вашей, так сказать, дружеской беседе, находясь в соседней комнате.

— Я считал, что ты мертв, — протяжно произнес Зароно, тщательно выговаривая каждое слово. — Три года назад на одном из усеянных рифами берегов видели обломки твоего корабля и с тех пор о тебе не было ничего слышно.

— Я не пил с командой своего корабля, — ответил, усмехнувшись, Конан.

— Великий океан все еще не принял меня к себе и не погрузил на свое дно. Я выплыл на сушу и некоторое время был солдатом в Черных Королевствах, а потом в Аквилонии. Можно сказать, что я стал знаменитой личностью, — он по-волчьи ослабилась. — Во всяком случае, до недавнего времени, пока Нумедидесу внезапно не перестало нравиться мое лицо. Ну, а теперь, к делу, господа!

Наверху, на лестнице Тина пристально уставилась вниз, перегнувшись через балюстраду, и в возбуждении схватила Белезу за тонкое запястье.

Белеза знала, что видит перед собой воплощенную в кровь и плоть легенду. Кто из людей на побережье не знал диких и невероятно кровавых историй о Конане, неутомимом искателе приключений, бывшем некогда капитаном бараханских пиратов и самым настоящим бичом Западного Океана? Дюжина баллад о его неистребимой отваге и отчаянных

преступлениях, набегах и схватках. Он был человеком, которого никто не мог убить. Он пришел сюда и властно стал доминирующей фигурой в этом бессмысленном беспорядке. Белеза со страхом мысленно спросила себя, что произойдет, если точка зрения Конана не совпадет с точкой зрения остальных, и он не будет на их стороне. Будет ли он презирать ее также, как Стромбанни, или он так же страстно возжелает ее, как и этот мерзавец Зароно?

Валенсо оправился от шока, вызванного внезапным появлением чужака в собственном доме графа. Он знал, что Конан был киммерийцем, что он родился и вырос в суровой заснеженной пустыне на севере и поэтому, во многих вещах он не испытывал затруднения, сострадания и не знал границ, которым подчинялись цивилизованные люди.

Так что было совсем не странно, что он незаметно проник в охраняемый форт. Однако Валенсо испуганно вздрогнул при мысли, что вслед за варваром могут проникнуть сюда и другие дикари — например, пикты.

— Что вам здесь надо? — грубо спросил он. — Вы пришли с моря?

— Нет, из леса, — киммериец кивком показал на восток.

— И вы жили среди пиктов? — холодно осведомился Валенсо.

В голубых, как лед, глазах гиганта вспыхнул гнев.

— Даже зингаранец должен знать, что между дикими пиктами и киммерийцами никогда не было мира, и, может быть, никогда не будет, — он страшно выругался. — С начала времен между нами царит кровавая вражда. Если бы вы сделали это замечание одному из моих сородичей, весьма возможно, он разбил бы вам череп. Но я достаточно долго жил среди так называемых цивилизованных людей, чтобы понять ваше полное невежество и ваш абсолютный недостаток вежливости и обычного гостеприимства по отношению к чужому человеку, который прошел, через леса, густо раскинувшиеся на тысячи миль вокруг. Но забудем об этом, — он повернулся к обоим морским грабителям, которые нелепо уставились на него. — Если я правильно расслышал, существует какая-то карта, из-за которой между вами двумя возникло расхождение во мнениях?

— Это тебя вообще не касается, — проворчал Стромбанни.

— Может быть вот эта? — Конан зловеще усмехнулся и вытащил из кармана что-то довольно сильно помятое — клочок пергамента, на котором было что-то изображено красным цветом. Стромбанни вздрогнул от неожиданности и побледнел.

— Моя карта! — воскликнул он. — Откуда она у тебя?

— От твоего рулевого Галакуса, попала ко мне после того, как я

прикончил его, — ответил Конан, свирепо ухмыльнувшись.

— Ты, собака! — взвыл Стромбанни и тут же повернулся к Зароно. — Так у тебя, выходит, вообще не было карты! Ты солгал.

— Я никогда и не утверждал, что она у меня есть! — пробурчал Зароно.

— Ты сделал совершенно неверные выводы. Не будь дураком. Конан один. Будь с ним его люди, он давно бы уже перерезал горло всем здесь присутствующим. Мы отнимем у него карту.

— Это так похоже на вас! — рассмеялся неожиданно развеселившийся Конан.

Оба мужчины, ругаясь и проклиная все на свете, ринулись на него. Конан равнодушно отступил на шаг и небрежно бросил скомканный пергамент на пылающие угли в камине.

С бычьим ревом Стромбанни ринулся на гиганта, но оглушающий удар кулаком в ухо заставил его, почти потерявшего сознание, бессильно опуститься на пол. Теперь Зароно в свою очередь выхватил меч, однако, прежде чем он сумел нанести им колющий удар, сабля Конана со звоном выбила его из рук взбесившегося корсара.

С дьявольски сверкающими глазами Зароно отшатнулся назад, ударившись о стол. Тот со скрипом сдвинулся с места. Стромбанни с трудом поднялся, непрерывно дергая и встряхивая головой. Глаза его, казалось, остекленели, из разбитого уха капала кровь, оставляя липкие следы на шее и плече. Конан слегка перегнулся через стол и его вытянутая в твердой руке сабля уперлась в грудь графа Валенсо.

— Не пытайтесь звать ваших солдат, граф, — предупредил его хладнокровный киммериец. — Ни звука — и ты тоже, собачья морда, — последнее оскорбительное замечание относилось к Гальбро, который ни в коем случае не думал о том, чтобы навлечь на себя гнев пока еще невозмутимого гиганта. — Карта сгорела дотла и теперь бессмысленно проливать кровь. Садитесь-ка лучше, вы все!

Стромбанни какое-то мгновение поколебался, взглянул на свой меч, потом пожал плечами и оступившись рухнул на стул, заскрипевший под тяжестью его туши. Другие тоже расселись. Только Конан остался стоять.

Он глядел на них сверху вниз, а его враги пристально наблюдали за ним глазами, в которых сверкала неприкрытая ненависть и злоба. Конан не обращал на это никакого внимания.

— Я предупреждаю вас, чтобы вы сидели смирно и ничего не предпринимали, — в то же время счел он необходимым сказать им. — Я здесь нахожусь из-за тех же побуждений.

— Что же ты можешь нам предложить? — стараясь быть насмешливым, сказал Зароно.

— Только драгоценности Траникоса?

— Что?! — все вскочили и наклонились вперед.

— Садитесь! — прогремел Конан и ударил по столу плоской стороной широкого клинка своей сабли.

Они напряженно повиновались, побелев от охватившего их возбуждения. Конан ухмыльнулся. Он, по всей видимости, получил истинное наслаждение от действия своих слов.

— Да, я нашел драгоценности еще до того, как заполучил эту карту. Поэтому я и сжег ее. Теперь никто не найдет драгоценности, если я не покажу, где они находятся.

Они уставились на него, в их глазах пылала жажда убийства.

— Ты лжешь, — без особой убежденности сказал Зароно. — Ты уже однажды солгал нам! Ты утверждал, что не жил среди пиктов. Однако каждый знает, что эта страна — сплошная глушь, и в ней живут только дикари. Ближайшие форпосты цивилизации — это аквилонские поселения на берегах Реки Грома. В сотне миль на восток отсюда.

— Именно оттуда я и пришел в эти паршивые места, — невозмутимо ответил Конан. — Я думаю, что я первый белый человек, который когда-либо пересекал пиктийскую глухомань. Когда я бежал из Аквилонии в Страну Пиктов, я неожиданно наткнулся на отряд пиктов. Убил одного из них. Но во вспыхнувшей рукопашной схватке в меня попал камень выпущенный из пращи, и я потерял сознание. Поэтому дикари сумели захватить меня в плен живым. Эти парни представители Племена Волка. Их вождь попал в руки Клана Орла, и они обменяли меня. Орлы почти сотню миль проволокли меня в западном направлении, чтобы подвергнуть меня ритуальному сожжению в деревне вождя. Но однажды ночью мне удалось убить трех или четырех воинов — в темноте я не разобрал — и бежать.

Он оглядел сидящих за столом и продолжал:

— Вернуться я не мог, потому что они преследовали меня, постоянно держались позади меня, и они погнали меня на запад. Пару дней назад мне посчастливилось отделаться от них, и, слава Крому, я нашел убежище именно там, где Траникос спрятал свои сокровища. Я обнаружил все: сундуки с одеждой и оружием, целые груды монет, драгоценностей и золотых украшений, и среди всего этого богатства — драгоценный камень Тотмекрис, сверкающий как застывший звездный огонь! Старый Траникос и одиннадцать его самых доверенных сподвижников сидели вокруг стола,

сработанного из черного дерева. Все они вот уже на протяжении ста лет неподвижно всматривались в эту драгоценность.

— Что?

— Да, вы в чем-то сомневаетесь? — Конан рассмеялся. — Траникос умер около своих драгоценностей и все остальные заодно с ним! Их трупы, как ни странно, не разложились, и не высохли. Они сидят там в своих сапогах с отворотами, в длинных плащах и кожаных широкополых шляпах. У каждого из них в руке стакан вина, и сейчас они сидят в тех же самых позах, как и те, которые они выбрали сто лет назад. И так они сидели в течение всей этой сотни лет.

— Это же невозможно! Просто невероятно! — пробурчал Стромбани, полный неприятных чувств. — Это уже не шутки. В конце концов, нам необходимы сокровища. Говори дальше, Конан.

На этот раз киммериец тоже уселся за стол, налил в бокал вина и одним глотком опустошил его.

— Во имя Крома, это первый бокал вина с тех пор, как я покинул Аквилонию, — произнес он. — Эти проклятые Орлы буквально наступали мне на пятки, так, что я едва успевал подкрепиться ягодами и орехами, которые находил и срывал по пути во время бегства. Иногда мне попадались лягушки, и я проглатывал их сырыми, потому что не мог рисковать и разжечь костер.

Его нетерпеливые слушатели, ругаясь, наперебой объяснили ему, что их интересует не его питание, а сокровища.

Он вновь насмешливо ухмыльнулся и продолжил:

— Ну, после того, как я случайно наткнулся на сокровища, я отдохнул пару дней, изготовил силки на кроликов, установил их, откормился и залечил свои раны. Однажды я увидел на западной части небосклона поднимающийся дым, но, естественно, подумал, что это какая-то деревушка пиктов на морском побережье. Я остался около сокровищ, потому что случайно укрылся в том месте, которого избегают пикты. Если меня действительно выслеживало какое-нибудь из местных племен, охотники должны были, по крайней мере, просто как-то обнаружить себя.

Вчера ночью я, наконец, направился на запад, намереваясь выйти на берег в двух-трех милях севернее того места, где я наблюдал дым. Я был недалеко от берега, когда обрушилась буря. Я спрятал драгоценности под каменным выступом и стал ждать, пока буря не прекратится. Потом я забрался на высокое дерево, чтобы посмотреть, нет ли поблизости пиктов, но вместо них я увидел караку Строма, стоящую на якоре, и его людей, гребущих на лодке к берегу. Я направился к лагерю Строма и на берегу

столкнулся с Галакусом. У нас оставались старые долги, и мы на месте разрешили наши проблемы, и он умер.

— Какова была причина этой вражды? — спросил Стромбанни.

— О, несколько лет назад он отбил у меня девушку. Устраивает? О том, что у него была карта, я вообще не подозревал, пока он, умирая, не попытался проглотить ее. Разумеется, я сразу же узнал изображенную на схеме местность и подумал, что мне делать, когда одна из ваших собак придет сюда и обнаружит его труп. Я лежал поблизости, укрывшись в лесной чаще, пока ты и твои люди рыскали вокруг. Я не считал этот момент подходящим для того, чтобы показаться вам, — он рассмеялся в искаженное яростью лицо Стромбанни.

— Ну, пока я лежал там и слушал вас, я достаточно узнал о положении вещей, а также о том, что Зароно и Валенсо находились на берегу всего в паре миль отсюда. Когда я услышал, как ты сказал, что Зароно, должно быть, убил Галакуса и забрал карту, и ты должен будешь иметь с ним дело, чтобы получить возможность убить его и забрать у него карту.

— Собака! — прохрипел Зароно.

Стромбанни хотя и побледнел, но дружески улыбался.

— Может быть, ты думаешь, что я был бы честным с такой собакой, как ты? Рассказывай дальше, Конан.

Киммериец оглядел спорщиков и ухмыльнулся. Было очевидно, что он намерен разжечь пламя вражды и ненависти между этими двумя морскими грабителями.

— Осталось рассказать совсем немного. Я побежал через лес в то время как ты поплыл вдоль берега и оказался у форта задолго до меня. Твое предположение о том, что шторм уничтожил корабль Зароно, было правильным — но тебе эта бухта тоже была известна.

Он взглянул на пиратов.

— Итак, дело теперь выглядит таким образом: у меня есть сокровища, у Стромбанни имеется корабль. Валенсо располагает запасами провианта. Во имя Строма, Зароно, честно говоря, я не знаю, что можешь предложить ты, однако чтобы избежать дальнейших стычек, я подключаю к этому предприятию и тебя также. Мое предложение, как видите, достаточно простое. Дальше. Мы разделим добычу на четыре равные части, отплывем в море на «Красной руке». Ты, Зароно, а также ты, граф Валенсо, останетесь здесь на берегу со своими долями драгоценностей. Вы можете сделаться королями этой богом забытой глуши или построить корабль из стволов деревьев, растущих здесь в достаточном количестве — как вам будет угодно.

Валенсо побледнел. Зароно грубо выругался, а Стромбанни усмехнулся.

— Ты действительно настолько легкомысленен и наивен, чтобы вместе со Стромбанни подняться на борт его корабля? — с яростью спросил Зароно. — Он перережет тебе глотку прежде, чем этот берег исчезнет за горизонтом.

Конан рассмеялся. Он весело сказал:

— Это головоломка о козе, волке и капусте. Как их нужно перевезти через реку с таким расчетом, чтобы один не сожрал другого.

— Типичный киммерийский юмор, — пробурчал Зароно.

— Я не останусь здесь! — глаза Валенсо дико сверкнули, лицо напряглось. — Будут сокровища или нет, я должен немедленно убраться отсюда.

Конан задумчиво посмотрел на него.

— Ну, хорошо, тогда я предлагаю такой план мы разделим сокровища, как и предполагалось сначала. Потом на корабле поплывут Стромбанни, Зароно и вы, лорд Валенсо, а также те из ваших людей, кого вы возьмете с собой. Вы поплывете на, «Красной руке». А я остаюсь полным хозяином этого форта вместе с оставшимися вашими людьми, Валенсо, и людьми Зароно, и сам строю корабль. Устраивает?

Лицо Зароно побледнело.

— Таким образом, мне предоставлен выбор; остаться здесь в изгнании, или же бросить своих людей и подняться на борт «Красной руки», чтобы позволить там перерезать себе горло.

Раскатистый смех Конана гулко прозвучал в огромном зале. Он по-приятельски грохнул Зароно по плечу, не обращая внимания на яростные глаза корсара, сверкавшие нескрываемой жаждой убийства.

— Это так, Зароно, — подтвердил он. — Оставайтесь здесь, а я и Стромбанни уплывем отсюда, или же ты плыви со Стромбанни и позволь своим людям остаться здесь со мной.

— Нет лучше, если Зароно отправиться вместе со мной, — откровенно заявил Стромбанни. — Ты можешь восстановить против меня моих людей, Конан, и мои собственные сподвижники прикончат меня прежде, чем нам доведется увидеть на морском горизонте Бараханские острова.

Пот выступил на побледневшем лице Зароно.

— Ни я, ни граф, ни его племянница не достигнут суши целыми и невредимыми, если мы доверимся Стромбанни, — сказал он. — Сейчас вы оба в моей власти, потому что мои люди находятся в форте. Что удержит меня от того, чтобы уничтожить вас обоих?

— Ничего, — улыбаясь, ответил непоколебимый Конан, — Кроме того факта, что люди Стромбанни, если ты приведешь свои намерения в исполнение, уйдут в море, и они убьют вашу идею в зародыше, оставят вас здесь, на этом глухом берегу, где пикты очень скоро расправятся со всеми вами. Ну и, естественно, кроме того обстоятельства, что я расколю тебе череп, если ты попытаешься позвать своих людей.

Произнося это, Конан откровенно смеялся, словно его предложение было невероятно смешным.

Однако Белеза чувствовала, что он говорит то, что думает. Его отливающая металлическим блеском сабля спокойно лежала у него на коленях, в то время, как Зароно положил свой меч на стол вне досягаемости своей руки. Гальбро не был воином, а Валенсо, очевидно, был не в состоянии принять решение.

— Да, — пробурчал Стромбанни, — так легко тебе с нами не справиться. Я согласен на предложение Конана. А что думаете по этому поводу вы, Валенсо?

— Я должен как можно скорее убраться отсюда! — хрипло прошептал граф, тупо уставившись пустыми глазами в стену напротив. — И я должен поспешить... я должен убраться... прочь отсюда... и как можно скорее.

Стромбанни наморщил лоб, удивленный странным поведением графа, и, злобно усмехаясь, развернулся к корсару.

— Ну, а ты, Зароно?

— Разве у меня остается какой-нибудь выбор? — пробурчал недовольно Зароно. — Если ты позволишь мне взять с собой на борт корабля трех офицеров и сорок человек из моего экипажа, и я согласен.

— Офицеры и тридцать человек!

— Хорошо, я согласен.

— Итак, все в порядке.

Таким образом пакт был заключен без рукопожатий и громких тостов. Оба капитана сверкали друг на друга глазами, словно оголодавшие волки. Граф дрожащими пальцами теребил свои обвисшие усы, однако не отреагировал на сделку, полностью углубившись в свои сумрачные мысли.

Конан беззаботно потянулся как огромная кошка, залпом выпил вино и улыбнулся присутствующим и с обезоруживающей непринужденностью, однако в продемонстрированной киммерийцем улыбке таилось выражение спрятавшегося в засаде тигра.

Белеза ощущала убийственные намерения каждого из сидящих за столом. Ни один из них не думал о том, чтобы выполнить соглашение, за исключением, быть может, одного только Валенсо. Каждый из морских

грабителей хотел заполучить в собственные руки корабль и все драгоценности. Никто из них не помышлял о том, чтобы удовлетвориться меньшим.

Но каким образом? Что происходило в головах этих людей, какие мысли роились в уме каждого из них? Киммериец, несмотря на свою необычную открытость и прямоту, был не менее хитер, чем остальные — и, к тому же, еще более опасен. Своему главенству в создавшейся ситуации он был обязан не только собственными физическими силами — хотя его могучие плечи и упругие бицепсы толщиной в шею обычного человека казались невероятно мощными и сильными — но также и его железная выдержка, которая удивила даже непрошибаемых Стромбанни и Зароно.

— Ты должен отвести нас к сокровищам, — потребовал Зароно.

— Подожди немного, — осадил его киммериец. — Мы должны разделить наши силы с тем, чтобы ни один из нас не мог навредить другому. Мы сделаем следующее: люди Стромбанни — с полдюжины или около этого — высадутся на берег и разобьют там лагерь таким образом, чтобы обе группы могли держать друг друга под постоянным наблюдением и были уверены в том, что ни одна из групп не смоеется тайком, когда мы найдем сокровища, и не нападет на нас из засады. Оставшиеся на борту «Красной руки» люди выведут корабль из бухты в море, чтобы оказаться вне пределов досягаемости обеих групп. Люди Валенсо останутся в форте, однако ворота должны быть открыты. Вы идете с нами, граф ?

— В лес? — Валенсо судорожно вздрогнул и плотнее завернулся в плащ. — Не пойду, даже если мне будет предложено все золото Траникоса!

— Ну, хорошо. Мы возьмем с собой тридцать человек, чтобы нести сокровища, по пятнадцать мужчин из каждой команды и отправимся в путь немедленно.

Белеза, внимательно наблюдавшая за тем, что происходит внизу, увидела, как Зароно и Стромбанни обменялись незаметно тайными взглядами, а потом быстро и воровато опустили глаза, поднялись бокалы, чтобы скрыть свои невысказанные коварные намерения.

Белеза обнаружила в плане Конана смертельно опасную слабую сторону, и удивленно спросила себя, как это он мог допустить такой просчет. Быть может, он просто был уверен в своих силах? Однако она знала, что он не вернется из леса живым. Как только сокровища окажутся в их руках, оба мошенника расправятся с этим человеком, убьют этого гиганта, которого они так ненавидят.

Она вздрогнула, поежилась и сочувственно посмотрела на мужчину,

которого судьба, похоже, приговорила к смерти. Странно было видеть этого могучего бойца, сидевшего там, внизу, и пьющего вино с негодьями, живыми и невредимыми, и знать, что он уже обречен на гибель.

Возникавшая ситуация была явно нездоровой и источала ненависть и враждебность. Зароно с удовольствием свалил бы на пол Стромбанни и убил бы

его, будь у него такой шанс. Девушка не сомневалась и в том, что пират также уже вынес смертный приговор Зароно и ее дяде. Если бы Зароно оказался победителем, она, по крайней мере, осталась бы в живых. Но когда она посмотрела на корсара, который нервно подкручивал свои усы и на лице, которого сейчас четко проявились все гнусные черты его характера, она поняла, что не представляет, что именно ей лучше выбрать: гибель или Зароно.

— Как далеко предстоит идти? — осведомился Стромбанни.

— Если мы выйдем в путь немедленно, в полночь мы уже сможем вернуться, — ответил Конан. Он в очередной раз опустошил свой бокал, поправил пояс с оружием и взглянул на графа. — Валенсо, это вы, свихнувшись, убили пикта в охотничьей раскраске?

Валенсо пораженно заморгал.

— Что вы хотите этим сказать?

— Значит, вы не знаете, что ваши люди вчера ночью убили в лесу пикта?

Граф покачал головой.

— Ни один из моих людей прошлой ночью не был в лесу.

— Во всяком случае в лесу кто-то был, — пробормотал киммериец, вцепившись в стол. — Я видел голову пикта на дереве на краю лесной чащи и на ней отсутствовала боевая окраска. Так как там не было отпечатков следов сапог, я решил, что убийство произошло еще до начала шторма. Но там можно было видеть множество других следов отпечатки мокасин на влажной почве. Итак, пикты побывали там и видели голову на дереве. Должно быть, это были воины какого-то другого племени, в противном случае они забрали бы ее с собой. Если у них, оказалось, заключен мир с племенем убитого, они, конечно же, побежали в его деревню, чтобы сообщить о случившемся.

— Может быть, они его и убили? — произнес Валенсо.

— Нет, конечно, нет. Однако вы, как и я, знаете, кто и почему это сделал. Вот эта цепочка была обмотана вокруг обрубка шеи и застегнута на нем. Вы должно быть, сошли с ума, если решились сделать это.

Он бросил на стол перед графом что-то; граф придушенно застонал,

схватившись за горло обеими руками.

— Я узнал печать Корзетты, — сказал Конан. — Одна только эта цепочка точно укажет любому пикту, что убийство мог совершить лишь белый.

Валенсо подавленно молчал. Он уставился на цепочку, словно перед ним извивалась ядовитая змея, которая может укусить.

Конан некоторое время пристально наблюдал за ним с мрачным выражением глаз, потом вопросительно посмотрел на остальных. Зароно сделал быстрый жест, который указывал на то, что граф не совсем в своем уме. Конан засунул свою саблю в ножны и нахлобучил кожаную шляпу.

— Ладно, хорошо, теперь мы можем идти, — сказал он.

Оба морских грабителя поспешно опустошили свои бокалы. Они тоже спрятали свои клинки в ножны. Зароно положил свою руку на дрожащие пальцы Валенсо и слегка потряс их.

Граф вздрогнул и внимательно осмотрелся, потом оцепенело вышел из зала вместе с остальными. Цепочка болталась на его пальцах.

Но не все покинули этот зал.

Белеза и Тина все еще сидели наверху у лестницы и смотрели через балюстраду. Они могли видеть, что в зале остался Гальбро, ожидая, пока за остальными закроется тяжелая дверь. Потом он заторопился к камину и осторожно начал копаться в тлеющих углях. Наконец, он нагнулся, очень пристально рассмотрел какой-то предмет, затем поднялся, поспешно и испуганно осмотрелся и, в чем-то убедившись, также торопливо вышел через другую дверь.

— Что он искал в очаге? — прошептала Тина.

Белеза недоуменно пожал а плечами, но потом любопытство одержало верх, и она спустилась в пустой зал.

Мгновением позже она нагнулась над тем же местом, где рыскал мажордом, и увидела то, что он так внимательно изучал.

Перед ней лежали обугленные остатки карты, которую Конан зашвырнул в огонь. В любое мгновение эти остатки могли рассыпаться, однако на них все еще были заметны какие-то светлые линии и пара слов. Слов этих она прочитать не смогла, но линии, казалось представляли из себя изображение горы или утеса, а нарисованные вокруг крестики, вероятно, означали лес, или, по крайней мере, группу тесно стоявших друг возле друга деревьев.

Она совершенно не имела никакого понятия где находится изображенная на карте гора, однако по поведению Гальбро она пришла к

заклучению, что ему было известно это место. Он был единственным человеком из форта, кто отваживался углубляться в лес на значительное расстояние.

6. ОГРАБЛЕНИЕ ПЕЩЕРЫ

В полуденном зное, наступившем после яростного штурма бури, в форте установилась необычная тишина. Голоса людей толкавшихся за палисадом звучал и приглушенно. Такая же томно-усталая тишина царила и на берегу, где соперничающие команды, вооруженные до зубов и разделенные всего парой сотен футов, разбили свои лагеря.

Далеко от берега, в бухте мирно покачивалась на водной глади «Красная рука» с горсткой членов экипажа на борту, готовая при малейших признаках предательства поднять якоря и выйти в море. Карака была козырной картой Стромбанни, его лучшей гарантией против возможных уловок соперников. Белеза снова поднялась по лестнице и остановилась под взглядом графа, сидящего за столом и вертящего в руках порванную цепочку. Безо всякой симпатии, но с порядочной долей страха она взглянула на него. Он жутко изменился. Он, казалось, попал в ад, и страх, захлестнувший все его существо, стер все человеческие, черты с его лица.

Конан спланировал все довольно искусно, чтобы исключить возможность коварного нападения той или иной стороны, однако, насколько понимала Белеза, он забыл подстраховаться от коварства своих неразборчивых в средствах спутников. Он исчез в лесной чаще, чтобы провести к определенному месту двух пиратов и две группы их людей, по пятнадцать человек каждая.

Зингаранка также была уверена в том, что она больше никогда не увидит его живым.

Наконец, она открыла рот и испугалась собственного голоса, который отдавался в ее ушах хриплой и напряженной интонацией.

— Варвар с этими страшными людьми в лесу. Как только Стромбанни и Зароно заполучат золото и драгоценности в свои руки, они убьют его. Что будет, когда они вернуться назад с сокровищами? Должны ли мы действительно погрузиться на борт пиратского корабля? Можем ли мы довериться Стромбанни?

Валенсо с отсутствующим видом покачал головой.

— Стромбанни нас всех перебьет, чтобы получить нашу долю сокровищ. Однако Зароно прошептал мне перед уходом свой план. Мы взойдем на борт «Красной руки», но не как гости, а как владельцы корабля. Зароно сообщил мне, что он позаботится о том, чтобы путешественники не управились во время и ночью разбили лагерь в лесу. Он найдет

возможность убить во сне Стромбанни и его людей. Потом он и его люди тайно и незаметно проберутся к побережью. Не задолго до наступления рассвета я скрыто пошлю на форт своих рыбаков. Они должны будут подплыть к кораблю и захватить его. Поэтому не надо думать ни о Стромбанни, ни о Конане. Зароно и его приятели выйдут из леса и вместе с корсарами, оставшимися на берегу, нападут в темноте на бараханцев, а я выведу из крепости своих солдат, чтобы поддержать атаку Зароно. Без капитана пираты станут для нас легкой добычей, это очевидно. Потом мы вместе со всеми сокровищами выйдем в море на «Красной руке».

— А что будет со мной? — спросила девушка.

— Я обещал тебя Зароно, — сурово ответил дядя. — Без этого он вообще не возьмет нас с собой.

— Но я не хочу выходить за него замуж, — беспомощно возразила девушка.

— И не помышляй об этом. Ты выполнишь, то, что я сказал, — мрачно произнес он без следа сочувствия. Он поднял цепочку, и металлическая змейка блеснула в косо падающих лучах солнца. — Я, должно быть, потерял ее на берегу, — пробормотал он. — Он на шел ее, когда выходил из лодки.

— Вы не потеряли ее на берегу, — повторила Белеза голосом таким же безжалостным, как и интонация только что прозвучавших его слов. Ей по казалось, что сердце ее окаменело. — Вы сорвали ее с шеи девочки прошлой ночью, когда избивали Тину. Я видела эту цепочку, валявшуюся на полу, прежде чем покинуть зал.

Вздвогнув, он взглянул на нее. Его искаженное лицо посерело от неприкрытого страха.

Она жестоко усмехнулась, прочитав в его расширившихся от ужаса глазах и застывших от напряжения изгибах губ, невысказанный вопрос.

— Да! Именно так Черный чужеземец! Он был здесь. В этом зале! Он, должно быть, нашел цепочку на полу. Охранники не видели его, но темной ночью он был перед дверью вашей спальни. Я видела его через глазок в двери, когда он бесшумно крался по коридору.

Некоторое время ей казалось, что он умрет от охватившего его черты страха. Он снова обессиленно опустил на свой стул, который безжалостно заскрипел под тяжестью его безвольного тела. Цепочка выскользнула из его ослабевших пальцев и с шелестом упала на стол.

— В главном доме! — с ужасом прошептал он. — Я надеялся, что бдительная охрана и прочие запоры помешают его проникновению. Глупец! Какой же я глупец! Я так же не могу защититься от него, как и

ускользнуть от его погони!

Его затрясло.

— У моей двери! — застонал он. Это dokonало его. — Почему же он не вошел? — снова простонал он и рванул воротничок, словно тот его душил. — Почему он не положил конец этой ужасной непрекращающейся игре? Как часто я видел во сне, как он, слившись с темнотой, проникается странными помыслами, прокрадывается в мою спальню, нагибается надо мной и смотрит. Смотрит! И адский голубой огонь призрачно мерцает вокруг его головы. Почему...

Припадок кончился, но судорожная лихорадка невероятно сильно ослабила графа.

— Я понимаю, — задыхаясь, прерывисто произнес он. — Он играет со мной в кошки-мышки. Жонглирует моей жизнью, словно сторевшим факелом. Убить меня ночью ему кажется слишком легким и милосердным способом покончить с этой игрой. Поэтому он уничтожил корабль, на котором мне, по всей вероятности, удалось бы бежать с проклятого берега. Он убил этого несчастного пикта и обмотал мою цепь вокруг его головы, чтобы лесные дикари подумали, что убил его я. Он достаточно часто видел эту цепочку на моей шее раньше.

Воздуха ему не хватало.

— Но почему? Какого дьявола он все это затеял? Чего он этим добивается? Наверное, все происходящее настолько чудовищно, что обычный человеческий разум не в силах этого постичь!

— Кто этот Черный Чужеземец? — спросила Белеза и почувствовала, как у нее по спине побежали мурашки.

— Проклятый Демон, которого я освободил собственной алчностью и несдержанной жестокостью, не подумав о том, что он будет мучить меня целую вечность! — прошептал граф. Он растопырил свои длинные пальцы на крышке стола и взглянул на Белезу запавшими, странно блестящими глазами, однако у нее появилось ощущение, что он не видит ее, что он смотрит сквозь нее, уставившись в мрачное полное мучении и невероятных страданий будущее.

— В моей юности, при дворе у меня был враг, — сказал он, адресуясь больше к самому себе, чем к племяннице. Он был могущественным и влиятельным человеком, стоял между мной и моими амбициями. В те годы я в своей алчности и жажде власти и богатства стал искать помощи у Черной Магии и обратился к колдуну, который по моему желанию вызывал демона из пучины мрака. Этот демон покончил с моим врагом, моя власть и мои богатства выросли до огромных размеров, и никто из моих соперников

больше не мог состязаться со мной. Однако я задумал обмануть помогавшего мне колдуна в обещанном ему вознаграждении, которое обязался выплатить и который должен был выплатить ему смертный, который нуждался в его помощи.

Этим колдуном был Тот-Амон из Ринга, изгнанный из своей родной земли

— Стигии. Во время царствования короля Ментуфферры он бежал из страны. Когда Ментуфферра умер и на трон Люкура, изготовленный из дорогой слоновой кости, взошел Ктесфон, Тот-Амон мог вернуться на родину, однако он остался в Кордаве и постоянно напоминал мне о том, что я должен расплатиться с ним за все услуги, оказанные им мне. Однако вместо того, чтобы отдать ему обещанную половину моего состояния, я донес на него своему монарху, поэтому Тот-Амону не оставалось ничего другого, как только поспешно и тайно вернуться в Стигию. Там он быстро приобрел благосклонность нового правителя, а со временем также и огромное богатство и могучую силу, пока не сделался настоящим правителем этой страны.

Два года назад, находясь в Кордаве, я получил неожиданное известие, что Тот-Амон внезапно исчез из Стигии. А потом, через некоторое время, однажды ночью я увидел его дьявольское коричневое лицо, подстерегающее меня в темном и мрачном углу зала в моем собственном дворце.

Он не явился тогда лично, а послал свой дух, свой бестелесный кошмарный образ, чтобы превратить мою жизнь в настоящий ад, вызвать невыносимые муки. На этот раз у меня для защиты не было короля, потому что после смерти Федруго и принятия решения о регентстве в стране, как ты знаешь, Белеза, страна распалась на два враждующих лагеря, а регент оказался во вражеском лагере. Прежде чем Тот-Амон появился на Кордаве во плоти, я трусливо бежал в море. К счастью, его власть имеет границы. Чтобы преследовать меня на морских просторах, это чудовище должно оставаться в собственном теле. Один только его дух не может странствовать по морям. Несмотря на это, при помощи своих жутких сил и заклинаний он все-таки выследил меня в далекой глуши, на побережье.

Он прибыл сюда, и это совершенно очевидно, чтобы заманить или убить меня как обычного смертного, ничего не стоящего в этой жизни. Если он спрячется, его никто не сумеет отыскать. Он может стать невидимым, он умеет бесшумно и незаметно скользить и днем, и в ночи, и в тумане. Ни замки, ни засовы, ни охранники не смогут его остановить. Он обладает властью над неведомыми духами воздуха, гадами в черных

подземных глубинах и демонами мрака вечности. Он может вызывать шторм, бурю, чтобы топить корабли и сравнивать построенные дома с земли. Я надеялся, что мои следы растворятся в голубых волнах — но он, несмотря ни на что, выследил меня, чтобы жестоко отомстить мне.

Глаза Валенсо ненормально горели, когда он усиленно вглядывался в бесконечную даль, пытаясь проникнуть сквозь завешанную пушистыми коврами стену.

— Но я его перехитрю! — лихорадочно дрожа прошептал он.

— Если только он не ударит сегодня ночью! Завтра под моими ногами уже будет раскачиваться палуба, и между мной и его мезьтью снова будет лежать безграничный океан.

— Проклятье!

Конан, взглянул вверх, внезапно остановившись, настороженно замерев. Моряки позади него тоже остановились двумя следующими вплотную друг за другом недоверчивыми группами, держа луки наготове. Они шли по старой охотничьей тропе лесных пиктов, которая вела прямо на восток. Хотя они прошли всего несколько сот футов, берега уже не было видно.

— Что случилось? — подозрительно спросил Стромбанни. — Почему ты неожиданно остановился?

— Ты что, слепой? Смотри!

На густых ветвях, нависающих над тропой, безобразно скалился череп, а точнее изуродованное темное и почерневшее, раскрашенное лицо, обрамленное пышными волосами, в которые за левым ухом было воткнуто перо птицы — носорога. Перо вызывающе торчало, указывая на них, а лицо это печально смотрело вниз мертвыми глазами.

— Я сам снял эту голову и спрятал ее в зарослях! — пробурчал Конан и, прищурившись, внимательно осмотрел окружающие их деревья. — Какой сукин сын снова подвесил ее здесь? Все это выглядит так, словно кто-то настойчиво пытается натравить лесных пиктов на крепость.

Люди мрачно переглядывались друг с другом. Новая дьявольщина! Новое вмешательство темных сил! Все происходящее было так запутано и достаточно опасно.

Конан быстро вскарабкался на дерево, взял отрезанную голову и отнес ее в ближайший подлесок, где бросил в протекающий мимо поляны ручей и посмотрел, как она утонула, оставив пенистые пузырьки на журчащей поверхности.

— Пикты, следы которых можно видеть вокруг этого дерева, не

являются представителями племени Птицы-Носорога, — пояснил он людям, вернувшись на тропу. — Раньше я достаточно часто подходил к этому берегу на своем корабле, и мне удалось немного познакомиться с прибрежными племенами. Если я верно читаю отпечатки мокасин, здесь побывали Кормонары. Я могу только надеяться, что они находятся на тропе войны против племени Птицы-Носорога. Однако, если между ними заключен мир, они уже на пути к деревне племени Птицы-Носорога, и скоро здесь развернется ад. Я, конечно, не имею никакого представления, как далеко отсюда расположена эта деревня, но как только эти дьяволы узнают об убийстве, они помчатся по лесу, как голодные волки, сметая все на своем пути. Для пиктов не существует худшего злодеяния, чем убийства одного из их соплеменников, если он не носит боевой окраски, и вывешивания его отрубленной головы на дереве, чтобы ее могли обклевать стервятники. Проклятые странности происходят на этом Кромом забытом берегу. Но так бывает всегда, когда «цивилизованные» люди появляются в глуши. Они просто не способны вести себя иначе. Идем.

Настороженно продвигаясь в глубь дремучего леса, путешественники приосвободили мечи в ножнах и стрелы в колчанах. Люди, привыкшие к морскому простору, чувствовали себя неуютно среди незнакомого буйства зеленой чащи леса, постоянно путались во вьющихся растениях, липких лианах, которые постоянно мешали их движению.

Узкая тропа извивалась, подобно длинной таинственно-угрожающей змее, поэтому большинство моряков потеряло ориентацию и больше не могло понять, в каком направлении находится берег и форт.

Однако Конана беспокоило не это. Он снова и снова нагибался и пристально изучал извилистую тропу, пока, наконец, не пробормотал:

— Кто-то прошел по тропе не задолго до нас. И этот кто-то носит сапоги и незнаком с лесом. Быть может, он и есть тот самый глупец, который нашел разбитый череп пикта и снова повесил его на дерево? Нет, это не мог быть он, иначе я обнаружил бы под деревом его следы. Но кто же это был? Весьма достойная загадка. И тревожная. Кроме следов пиктов, которые я уже увидел, я больше ничего не обнаружил. Кто же этот парень, который прошагал здесь перед нашим появлением? Может быть, один из вас, сучьи отпрыски, почему-либо отправил заблаговременно сюда своего человека?

Как Стромбанни, так и Зароно настороженно, но решительно замотали головами, отрицая возникшие у гиганта подозрения и подозрительно поглядывая друг на друга недоверчивыми глазами. Ни один из них не мог прочитать следы, на которые указывал Конан: едва видимые отпечатки на

лишенной травы плотно утоптанной тропе, которые оставались скрытыми от их взглядов.

Конан резко ускорил шаги, и они побежали следом за ним. Тем временем у морских грабителей зародилось новое подозрение.

Когда тропа неожиданно повернула на север. Конан покинул дорогу и стал целеустремленно прокладывать путь между деревьями и среди густых кустарников в юго-восточном направлении. Между тем, палящее солнце перевалило полуденную отметку; люди тяжело дышали, продираясь сквозь переплетающуюся ветками, лианами, кустарниковыми растениями чащу и, изнывая от жары, с трудом перелезали через стволы упавших высохших деревьев, которые с треском крошились при тяжелом весе одновременно перебирающихся через них пиратов.

Стромбанни, шагавший вместе с Зароно в арьергарде, прошептал своему спутнику:

— Как ты думаешь, е заведет ли он нас в западню?

— Все возможно, — ответил корсар. — Но как бы то ни было, без него мы никогда не выберемся на дорогу, ведущую обратно к морскому побережью.

Сказав это, он бросил на Стромбанни многозначительный взгляд.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — пробормотал бараханский пират. — Это, по всей вероятности, заставит нас изменить свои первоначальные планы.

Чем дальше они продвигались в гущу леса, тем больше росло их недоверие, и они почти были готовы удариться в панику, когда, наконец, вышли из дремучего леса, и прямо перед собой увидели голую базальтовую скалу, поднимавшуюся из поросшей мхом почвы. Едва заметная тропинка вела из леса на Восток проходила через россыпь каменных обломков и поднималась к плоскому карнизу вблизи вершины одинокой скалы.

Конан, одетый в причудливы костюм, какие носили пираты сто лет тому назад, остановился.

— Это та тропа, по которой я поднялся на утес, когда меня преследовали разъяренные пикты из племени Орла, — сказал он, показывая вперед. — Она ведет к пещере, там, наверху, за карнизом. В ней, как я рассказывал, сидят мертвый Траникос и его люди, сидят вокруг бесценной драгоценности, которую они отобрали у Тотмекриса. Однако я должен сказать вам еще кое-что, прежде чем вы подниметесь на утес, чтобы забрать сокровища, если вы убьете меня здесь, на просеке, вы, конечно, не сумеете найти обратного пути — я имею в виду, назад к побережью. Я

знаю, что вы моряки и в глухом лесу совершенно беспомощны. Вам также не поможет то, если я скажу вам, что берег находится точно на запад отсюда, потому что, когда вы будете тяжело нагружены сокровищами — если они не обманут ваших ожиданий — вам на обратном пути потребуются не часы, а дни. И я не думаю, что лес — безопасное место для белых, неприспособленных для таких путешествий, особенно тогда, когда люди племени Птицы-Носорога узнают об убийстве своего охотника. Закончив длинную тираду предупреждений, он улыбнулся им безрадостной улыбкой, и они четко поняли, что он видит их насквозь. И он понял о чем они размышляли: варвар должен обеспечить безопасность нам и отвести нас к тропе, ведущей к песчаному пляже, а там мы все равно прикончим его.

— Кроме Стромбанни и Зароно все остаются здесь, — сказал Конан морякам. — Нас троих вполне достаточно, чтобы вынести сокровища из пещеры и спустить их вниз.

Стромбанни насмешливо улыбнулся.

— Я должен идти один с тобой или отказаться от услуг Зароно. Я и Зароно?! Ты считаешь меня дураком? Я возьму по крайней мере с собой одного человека!

Он, не дожидаясь ответа, указал на боцмана, мускулистого громилу с обнаженным торсом и широченной набедренной повязкой, в ушах которого болтались золотые кольца, а голова была повязана грязной красной косынкой.

— В таком случае я прихвачу с собой своего Первого! — пробурчал Зароно. Он сделал знак коренастому парню с лицом, туго обтянутым кожей, делающим его похожим на череп мертвеца. На его костистом угловатом плече лежал кривой меч. Парень подошел к корсару.

— Я не возражаю! — развеселившись, пробормотал Конан. — Следуйте за мной.

Поднимаясь по тропе к утесу, они почти наступали друг другу на пятки.

Они протиснулись вслед за Конаном в щель, пробитую в скальной породе позади карниза, глубоко втягивая в себя застоявшийся воздух, и увидели перед собой окованные железом тяжелые сундуки, разместившиеся по обе стороны прохода.

— Здесь спрятаны довольно ценные вещи, — сказал Конан довольно равнодушно. — Шелк, кружева, одежда, украшения, оружие — добыча, захваченная в южных морях. Но основные сокровища находятся там, за дверью.

Тяжелая дверь была полуоткрыта. Конан, напрягшись, наморщил лоб. Он хорошо помнил, что он закрыл ее, прежде чем покинул пещеру.

Но он не подал никакого знака своим спутникам, а только отошел в сторону, чтобы пропустить их.

Пираты заглянули вглубь пещеры. Она была освещена странным голубым светом, который пульсировал и постоянно менял свои оттенки, а под ее сводами кое-где таинственно мерцал клубящийся голубоватый туман.

Огромный стол из эбенового дерева стоял в центре пещеры, а в деревянных резных креслах с высокими спинками и широкими подлокотниками — мебель, по всей видимости, раньше принадлежала какому-нибудь знатному горожанину или находилась в замке зингаранского барона — сидели огромные в искажающем все голубом мерцании фигуры членов Братства Траникоса. Массивная голова самого Траникоса была опущена на широкую грудь, рука его по-прежнему сжимала инкрустированный камнями бокал. На нем была лакированная кожаная шляпа, длинная куртка с золотой вышивкой, застежки из драгоценных камней которого блестели в голубом сиянии неведомой пульсации. Его вычурный костюм дополняли сапоги с широкими голенищами и шпорами, оружейный пояс, на котором ярко выделялась золотая пряжка и висели позолоченные ножны с мечом, рукоятка которого была также украшена драгоценными и полудрагоценными камнями.

Вокруг огромного черного стола угрюмо сидели одиннадцать его сподвижников: каждый уперся подбородком в собственную, украшенную пышными кружевами, грудь. Голубоватое сияние освещало застолье странно тревожащим светом. Оно исходило от огромного драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре стола.

Сияние отражалось от необычно отполированных драгоценных камней, дополняя цветовую гамму, исходящую от голубоватой глыбы на подставке. Эти камни довольно приличной грудой лежали перед креслом Траникоса — это были драгоценности Тотмекриса, стоимость которых превосходила ценность всех других драгоценных камней вместе взятых.

Лицо Зароно и Стромбанни в этом голубом сиянии казались бледными. Их люди с широко раскрытыми глазами уставились через плечи своих капитанов на пульсирующее богатство.

— Идите туда и заберите все, что там лежит, — проворчал Конан.

Зароно и Стромбанни решительно протиснулись мимо него, в ярости отталкивая друг друга локтями. Оба их сопровождающих поспешно следовали вплотную за ними.

Зароно пинком сапога широко распахнул массивную дверь и, переступив через порог, остановился, глядя на фигуру, которую до сих пор скрывала дверь.

Перед ними на полу лежал скорчившийся человек, лицо которого было искажено смертельной агонией.

— Гальбро! — пораженно воскликнул Зароно. — Мертвый! Что... — он с внезапным недоверием просунул голову в пещеру и поспешно отпрянул назад.

— В пещере смерть! — воскликнул он.

Пока он испуганно кричал эти слова, туман в пещере зашевелился и, завихрившись на мгновение, сгустился. Одновременно Конан, навалившись всем весом своего мощного тела, мощно толкнул четырех мужчин, закрывающих дверное отверстие, вперед. Все четверо пошатнулись под резким и мощным натиском, но, к сожалению, не влетели, сломя голову, в затуманенную пещеру, как задумал киммериец.

В своем опасении попасть в ловушку, и при виде мертвеца пираты успели разглядеть обретающего форму демона. Поэтому мощный удар Конана заставил их потерять равновесие, однако толчок этот не привел к желаемому результату.

Зароно и Стромбанни рухнули на колени, наполовину переступив порог, боцман был сбит с ног, а Первый Офицер был отброшен к базальтовой стене.

Вместо того, как намеревался Конан, чтобы втолкнуть всех людей в пещеру одним махом и закрыть за ними дверь, а потом подождать, пока синий демон покончит с ними, Конан был вынужден повернуться и защищаться против яростного нападения Первого Офицера, который стремительно бросился на варвара.

Корсар, нанося удар киммерийцу, промахнулся, когда тот моментально пригнулся, и меч нападающего со звоном ударился о каменный монолит стены. Брызнули всплески искр, разметая каменные крошки во все стороны. В следующее мгновение голова Первого отделилась от шеи и покатила по полу туннеля, срубленная саблей Конана.

В этот момент боцману удалось встать на ноги, и он с обнаженным мечом напал на Конана. Клинок ударился о клинок, и раздавшийся в ограниченном пространстве пещеры металлический лязг, казалось, был оглушающим.

Тем временем капитаны, до смерти напуганные том, что произошло в пещере, перевалились назад, через порог в туннель. Они проделали этот маневр настолько быстро, что колыхающийся демон не успел полностью

сформироваться. Они покинули магическую границу, отделяющую пещеру от туннеля, и оказались вне пределов досягаемости демона. Пока они ошеломленно стояли за порогом, чудовище растворилось в синюющем тумане.

Конан, сражающийся с боцманом, удвоил свои усилия, фехтуя решительно и в нападающей манере, чтобы избавиться от противника прежде, чем к нему придут на помощь.

Он отогнал пирата назад. Тот при каждом шаге отступления терял кровь и в отчаянии звал на помощь своих товарищей. Раньше, чем Конану удалось покончить с ним, оба капитана с обнаженными мечами в руках бросились на него, призывая своих людей, оставшихся внизу.

Киммериец отпрыгнул назад, на карниз. Хотя он, вероятно, мог бы убить всех троих, каждый из которых был великолепным бойцом, он предпочел бегство, чтобы не попасть в руки спешивших к вершине утеса на зов своих капитанов пиратов.

Однако они не появились настолько быстро, как он ожидал. Хотя они слышали сдавленные крики и металлический звон, доносящийся из пещеры, однако никто из них не осмеливался взобраться наверх по тропе, опасаясь, что получит удар в спину. Обе группы наблюдали друг за другом.

Когда они увидели Конана, решительно выпрыгнувшего на каменный карниз, они все еще колебались и проявляли нерешительность. Пока они в замешательстве стояли с натянутыми луками, Конан мгновенно вскарабкался по высеченной в скале лестнице и исчез из поля зрения морских грабителей за каменным гребнем.

Капитаны с грохотом вывалились на базальтовый карниз. Пираты, увидев своих вожаков, и установив, что они не убили друг друга, перестали угрожать друг другу и, пораженные непонятными событиями, творившимися у туннеля, недоуменно уставились вверх, на скалу.

— Собака! Киммерийский пес! — взревел Зароно. — Ты хотел заманить нас всех в ловушку и убить! Предатель!

Конан сверху ответил:

— Чего же вы ожидали? Вы двое планировали перерезать мне горло, как только я покажу вам добычу. Если бы не этот идиот Гальбро, я бы запер там вас всех четверых и объяснил бы вашим людям, что вы необдуманно подвергли себя смертельной опасности.

— А после нашей смерти ты забрал бы мой корабль и всю добычу! — бушевал Стромбанни.

— Да. И лучших людей из обеих ваших экипажей. Я уже давно тешился мыслью снова уйти в море, как только предоставится такая

возможность.

Он взглянул вниз и продолжал:

— Впрочем, следы, которые я обнаружил на тропе, были следами Гальбро. Я только не знаю, как он узнал об этой пещере, и спрашиваю себя, каким образом он в одиночку собирался забрать отсюда сокровища.

— Если бы мы не увидели его труп, мы бы попали в ловушку, — пробормотал Зароно со все еще пепельно-серым лицом.

— Что это, собственно, было? — спросил Стромбанни. — Ядовитый газ?

— Нет, это двигалось, словно живое и принимало дьявольскую форму прежде, чем мы отступили назад. Это не газ. Это — демон, который заключен в пещере при помощи колдовства, — откликнулся Зароно.

— Ну что вы теперь будете делать? — насмешливо крикнул Конан сверху. Пираты не могли его видеть.

— Да, действительно, — Зароно повернулся к Стромбанни. — Что мы теперь будем делать? Мы не можем войти в пещеру, а если и можем, то не можем выбраться из нее живыми и с сокровищами.

— Конечно! — прокричал сверху Конан. — Сокровища вы не получите. Демон задушит вас. Он почти задушил меня, когда я вошел в пещеру. Слушайте, я расскажу вам одну историю, которую пикты рассказывают в своих хижинах, когда костер постепенно прогорает. Хотите?

Ответом ему была напряженная тишина.

— Однажды из-за моря пришли двенадцать чужеземцев. Они напали на одну из деревень пиктов и всех там перебили, кроме немногих, которым удалось бежать. Потом они обнаружили пещеру и затащили внутрь ее золото и драгоценности, камни самоцветы и многое другое. Но шаман убитых пиктов — он был одним из тех, кому удалось бежать во время налета и скрыться — начал колдовать и вызвал демона из глубины ада. При помощи чар шаман вынудил демона войти в пещеру и задушить двенадцать чужеземцев, которые в это время сидели за столом и пили вино. А чтобы демон после этого не появился в стране пиктов и не причинял вреда самим пиктам, шаман при помощи магии запер его в пещере. Эта история рассказывается во всех племенах, и с тех пор все кланы избегают этого проклятого места. Когда я подошел к пещере, чтобы спрятаться от преследователей из племени Орла и найти временное убежище, мне стало ясно, что легенда является правдой и относится к происшествию с Траникосом и его людьми. Смерть охраняет сокровища Траникоса.

— Люди должны подняться наверх! — вскипел Стромбанни. — Мы

заберемся на верх и уничтожим его.

— Не будь дураком! — пробурчал недовольный Зароно. — Неужели ты действительно думаешь, что кто-то стащит его вниз, пока он со своей саблей охраняет лестницу? Но несмотря на это, мы пошлем людей наверх и они устроятся на каменном карнизе, чтобы получить возможность пронзить его стрелами, как только он осмелится высунуться из-за укрытия. Мы еще не забрали драгоценности. У него, несомненно, есть план, как их забрать, хотя для их переноски потребуется не меньше тридцати человек. Если он может сделать это, то и мы сможем. Мы изогнем клинок одной из наших сабель так, что он сможет служить крюком, привяжем к нему веревку, забросим крюк за ножку стола и подтянем его к двери вместе с драгоценностями.

— Весьма неглупо, Зароно! — насмешливо подхватил Конан. — Именно это я и намеревался сделать. Но как вы вернетесь назад, на тропу. Стемнеет задолго до того, как вы достигнете берега, если даже вам удастся проложить путь сквозь лес. А я последую за вами и буду убивать вас в темноте, человек за человеком.

— Да, — пробурчал Стромбанни, — это не пустая угроза. Он может двигаться в темноте так же быстро и бесшумно, как и призрак в подземелье. Если он последует за нами через лес, немногие из нас доберутся до берега.

— Тогда мы прикончим его прямо здесь, — заскрежетал зубами Зароно. — Некоторые из нас будут обстреливать его, пока остальные будут карабкаться на скалу к его укрытию. Если он не будет убит стрелами, мы прирежем его мечами. Почему он смеется?

— Потому что смешно слышать, как мертвецы строят планы на будущее! — крикнул Конан заметно повеселевшим голосом.

— Не спускайте с него глаз! — мрачно сказал Зароно. Потом он крикнул людям, толпившимся внизу, приказывая подняться на уступ к нему и Стромбанни.

Моряки начали карабкаться вверх по каменной тропе, и один из них проревел свой вопрос, задрав кверху голову. Одновременно с этим раздалось жужжание, словно гудение шмеля, которое закончилось глухим ударом. Корсар, который пытался что-то произнести, замолк посреди слова. Он надсадно захрипел и кровь хлынула изо рта. Он упал на колени, и остальные грабители увидели древко стрелы, с дрожью выступавшее у него из спины.

Испуганный вопль вырвался из десятков глоток моряков.

— Что случилось? — проорал Стромбанни.

— Пикты! — закричал один из пиратов. Он поднял свой лук, натянул тетиву и выстрелил наугад. Снова рядом раздался глухой удар. Товарищ возле него застонал и упал с торчащей из горла стрелой.

В укрытие, вы, идиоты! — прогремел Зароно. Со своего высокого места он видел раскрашенные фигуры, скрывающиеся в кустарнике, перебегающие от дерева к дереву. Один из людей на тропе, умирая со стрелой в груди, скатился вниз. Остальные поспешно отбежали и, рассыпавшись, укрылись за обломками камней у подножья скалы.

Они оказались не очень-то искусными в поисках удобных укрытий и не привыкли к сражениям подобного рода. Стрелы со свистом рассекали воздух, вылетали из-за кустарников, вспарывали стволы деревьев и разбивались о каменные обломки. Люди на карнизе поспешно бросались за камень, чтобы лежа переждать обстрел.

— Теперь мы на самом деле угодили в ловушку! — лицо Стромбанни побледнело. Он держался мужественно, когда под ногами была палуба, но это молчаливое нападение сильно подействовало ему на нервы.

— Конан сказал, что они боятся этой скалы, — припомнил Зароно. — Когда наступит темнота, наши люди смогут забраться сюда. Мы уже находимся на карнизе. Пикты не станут штурмовать его.

— Это так, — отозвался сверху Конан. — Они не полезут на скалу, чтобы добраться до вас. Они всего лишь окружают ее плотным кольцом и спокойно подождут, пока вы не умрете с голоду.

— Он прав, — беспомощно прошептал Зароно. — Что же нам делать?

— Заключить с ними военное перемирие, — предложил Стромбанни. — Если кто-то сможет вывести нас отсюда и живыми, то только он. Позже мы все еще сможем перерезать ему горло, — затем он прокричал во весь голос:

— Слушайте, Конан, забудьте на время наши разногласия во мнениях. Ты попал в такое же неприятное положение, как и мы. Спускайся и помоги нам выбраться отсюда.

— Я сижу совсем не в той лодке, в которой сейчас оказались вы, — крикнул он им в ответ. — Мне нужно только подождать, пока стемнеет, потом я смогу спуститься по другой стороне скалы и исчезну в лесных дебрях. Проскользнуть сквозь оцепление пиктов мне не трудно. Потом я проберусь назад, к форту, и сообщу, что всех вас перебили дикари — и это будет чистая правда.

Стромбанни и Зароно с посеревшими лицами уставились друг на друга.

— Но я этого не сделаю! — проревел в утешение им Конан.

— Не потому, что я считаю вас, грязных собак, на что-то пригодных, а потому что не могу позволить, чтобы белые — даже если они мои заклятые враги — были убиты пиктами, как скотина.

Из-за каменного гребня возникла голова киммерийца со спутанной гривой волос.

— Прислушайтесь повнимательнее. Там внизу, всего лишь маленький боевой отряд. Когда я смеялся некоторое время назад, я видел этих дьяволов, крадущихся сквозь кустарники.

Кроме того, если бы их было много, ни одного из ваших людей внизу уже не было бы в живых. Я думаю, что там всего лишь пара весьма подвижных и шустрых пеших бойцов, идущих впереди большого боевого отряда, который послал их, чтобы отрезать нам путь к побережью. Да, я уверен, что в нашу сторону движется многочисленный отряд.

Он посмотрел вдаль.

— Я думаю, что эти лесные дьяволы охраняют только западную часть скалы, а не восточную. Я спущусь там вниз и проберусь в лес, найду им в тыл. А вы тем временем спускайтесь по тропе и вместе с вашими людьми укройтесь за обломками камней. Скажите им, что они должны держать луки и стрелы наготове и заранее вытащить мечи. Когда вы услышите мой крик, бегите к деревьям, растущим на западной стороне поляны.

— Как насчет сокровищ?

— К дьяволу сокровища! Мы можем считать себя счастливыми, если нам удастся спасти свои шеи!

Черноволосая голова исчезла.

Оба капитана внимательно прислушивались к звукам, которые свидетельствовали о том, что Конан подполз к другой стороне базальтовой скалы, которая в этом месте была почти отвесной, и стал спускаться вниз, но потом они не слышали больше ни звука.

Внизу, в шелестящем листьями и ветвями лесу тоже было тихо. Ни одной стрелы больше не попадало в обломки камней. Но они знали, что черные глаза дикарей со смертельно опасным нетерпением наблюдают за ними.

Стромбанни и Зароно осторожно стали спускаться по вьющейся среди каменных завалов тропе. Боцман также присоединился к ним.

Они преодолели около половины тропы, когда смертоносные стрелы снова запели вокруг них. Боцман охнул и, дергаясь, сполз вниз по склону. Древко стрелы торчало у него из груди.

Все новые и новые стрелы, повизгивая, отскакивали от нагрудных панцирей капитанов, пока они спешно спускались по тропе. Оказавшись

внизу, они торопливо бросились под защиту разбросанных тут и там каменных обломков.

— Не оставит ли Конан нас здесь одних, будь он проклят? — выругавшись, спросил Зароно.

— В этом отношении мы можем ему доверять, — заверил его Стромбанни. — У таких варваров, как он, существует свой собственный кодекс чести. Киммериец никогда не бросит на произвол судьбы человека своей расы, чтобы люди с другим цветом кожи убили его. Он наверняка поможет нам в схватке с пиктами, даже если он планирует собственноручно придушить нас с тобой. Эй!

— Эге-гей! Э-эй!

Леденящий кровь крик разорвал лесную тишину. Он доносился со стороны деревьев, растущих на западной оконечности лесной опушки, и одновременно что-то вылетело из-за деревьев и покатилося, отскочив от земли и подскакивая на неровностях, по траве. Это была отрубленная голова с жутко разрисованным искаженным лицом.

— Сигнал Конана! — прогремел Стромбанни. Отчаявшиеся морские разбойники поднялись, как слитная волна прибоя, из-за своих камней, служивших им укрытием, и устремились в лес.

Из-за кустов полетели стрелы. Но их поспешных полет был не слишком точен.

Бездыханно упали только три человека.

Потом морские волки решительно проломились через подлесок и набросились на голые разрисованные фигуры, поднявшиеся перед ними из густой чащи кустарника.

Некоторое время вокруг все трещало, слышалось тяжелое дыхание схватившихся врукопашную, доносился лязг металла. Сабли и боевые топоры непрерывно сталкивались, мечи ударялись о боевые топоры. Сапоги безжалостно топтали голые тела, а потом босые воины, уцелевшие в быстротечной, но яростной резне, ударились в бегство в чащу леса. Они оставили на истоптанном мхе и окровавленной траве семь своих сородичей.

Глубоко в лесных зарослях были слышны характерные звуки схватки, но скоро они смолкли, и из-за толстых стволов деревьев появился, Конан. Он потерял свою кожаную шляпу, его плащ был разорван, а с сабли капала кровь.

— Что теперь? — прокаркал, отхаркиваясь, Зароно. Он знал, что они одержали победу только потому, что неожиданное появление Конана в тылу пиктов, нагнало на дикарей столько страха, что это помешало им спокойно

перебить пиратов и корсаров стрелами. Однако он тут же дико выругался, когда Конан нанес резкий удар милосердия одному из корсаров, корчившемуся на земле с раздробленной ногой.

— Мы не можем тащить его с собой, — пояснил Конан. — И ему будет хуже, если мы оставим его здесь, и пикты захватят его живы. Теперь в путь!

Он стал пробираться между деревьями, и они последовали за ним. Без него бы они бы часами блуждали по лесу, пытаясь выйти — без тропы они вообще не могли выбраться из дикого леса. Но киммериец безошибочно вел их, по хорошо освещенной дороге. Морские грабители взревели от облегчения, когда перед ними внезапно появилась тропа.

— Идиот! — Конан схватил пирата, который было бросился бежать, за плечо и отшвырнул его назад к толпе сотоварищей. — Ты не выдержишь долго этого бега, а мы находимся еще в нескольких милях от побережья и не должны переутомляться, потому, что последнюю часть пути нам придется бежать изо всех сил. Поэтому сохраняйте дыхание. А теперь идем!

Они направились по тропе равномерным шагом. Люди устремились вслед за ним, стараясь приспособиться к темпу его движения вперед.

Солнце коснулось волн Западного океана. Тина стояла у окна, из которого Белеза наблюдала накануне за бурей.

— Заход солнца превратил море в красную кровь, — пробормотала она. — Парус караки выглядит только как единственное белое пятно на красном водном фоне. На лес уже опускается ночь.

— А что происходит с моряками на берегу? — устало спросила Белеза. — Она с закрытыми глазами и опустилась на диван, положив руки на голову.

— Оба лагеря готовятся к ужину, — ответила Тина. — Они собирают плавник и разводят костры. Я слышу, как они перекликаются друг с другом. Что это?

Внезапное напряжение в голосе девочки заставило Белезу вскочить. Тина вцепилась в подлокотник, и личико ее побелело.

— Слушайте, моя леди! Вой вдали, словно воет одновременно несколько волков!

— Волков?! — Белеза вскочила. Ледяная рука сжала ее сердце. — Волки в это время года не охотятся стаями.

— О! Смотрите! — закричала девочка и поспешно указала на что-то. — Из леса бегут люди!

Белеза моментально оказалась у окна с широко раскрытыми глазами уставилась на крошечные суетливые фигурки, выскакивающие из леса.

— Морские разбойники! — воскликнула она. — С пустыми руками! Я вижу Зароно. Стромбанни.

— Где Конан? — прошептала Тина.

Белеза покачала головой.

— Послушайте! Послушайте! — закричала девочка и ухватилась за талию своей госпожи. — Пикты!

Теперь, все находящиеся в форте могли это слышать: поднимающийся, а затем затихающий вой нетерпеливого ожидания и дичайшей жажды крови доносился из глубины темного леса. Н подгонял задыхающихся людей, которые еще быстрее, шатаясь, запинаясь и подталкивая друг друга, торопливо бежали к форту.

— Быстрее! — хрипел Стромбанни, черты лица которого были искажены от усталости и изнурительного бега. — Они уже наступают нам на пятки. Мой корабль...

— Мы не успеем достичь его, он слишком далеко от берега! — прокряхтел Зароно. — Нам следует укрыться в форте! — задыхаясь, добавил он. — Люди на берегу уже видят нас.

Он начал беспорядочно размахивать руками, но пираты и корсары на берегу и так поняли значение странного воя, доносящегося из леса. Они бросились к оружию, побросали свои костры и котлы с пищей на произвол судьбы и побежали к воротам палисада.

Они уже проскочили в них, когда выбежавшие из леса обогнули южный угол форта и сразу же после этого вбежали в ворота.

Отчаявшиеся беглецы выглядели полумертвыми от усталости и напряжения. Ворота позади них поспешно закрылись. Отдохнувшие на берегу люди поднялись на бруствер, чтобы примкнуть к солдатам графа.

Белеза, незамедлительно выбежала из главного дома, остановила Зароно.

— Где Конан?

Корсар указал пальцем на темный лес. Его грудь тяжело вздымалась и опадала. Пот ручьями стекал по его изможденному лицу.

— Их шпионы наступали нам на пятки, прежде чем нам удалось достичь берега. Конан остановился, чтобы задержать их, убить парочку и дать нам возможность добраться до крепости. Отвернувшись от девушки, он поспешно рванулся к палисаду, чтобы занять место на бруствере, куда уже вскарабкался Стромбанни. Валенсо тоже находился там, за кутавшись в плащ, настороженный и молчаливый. Его лицо превратилось в

застывшую угрюмую маску.

— Смотрите! — проревел возбужденно один из пиратов, перекрывая оглушающий рев пока еще невидимой орды дикарей.

Из темнеющего леса выбежал человек и помчался прямо к воротам затаившейся крепости.

— Конан! — по-волчьи оскорбился Зароно. Его глаза сверкнули ненавистью. — Теперь мы в безопасности. мы знаем, где лежат сокровища. Теперь я не вижу особых сдерживающих моментов. Почему бы нам сейчас не пристрелить этого варвара?

— Нет! — решительно возразил Стромбанни и схватил его за руку. — Нам еще понадобится его сабля. Смотри!

Позади мчавшегося громадными прыжками киммерийца из леса с ревом высыпала дикая орда — сотни и сотни обнаженных пиктов, орущих и воинственно размахивающих оружием. Их стрелы непрерывно жужжали вокруг, бегущего. Парой огромных прыжков он достиг восточной стороны палисада, схватился за острие двух толстых кольев, пружинисто подпрыгнул и перемахнул через частокол, сжимая в зубах саблю, которую успел пристроить, прежде чем перепрыгнуть через деревянную стену. Звенящая стрела с дрожью вонзилась в дерево как раз в то место, где он только что находился.

Его плаща на нем уже не было, его белая рубашка была изорвана и запачкана кровью.

— Остановите их! — проревел он, спустившись с бруствера, где беспокойно топтались пираты, корсары и солдаты. — Если они, подобно мне, перепрыгнут палисад, считайте, что с нами покончено.

Опомнившиеся пираты, корсары и солдаты тотчас же повиновались, и град стрел ударил в приближающуюся ревущую толпу.

Конан увидел Белезу, в тонкую руку которой вцепилась Тина, и ругательство его было очень причудливым и живописным.

— Марш в дом! — нетерпящим возражений голосом рявкнул он. — Их стрелы дождем сыплются через палисад. Ну, что я сказал! — Черное древко вонзилось в землю прямо под ногами Белезы, подрагивая, как змея, готовая ринуться в атаку. Конан схватил арбалет вложил в него болт.

— Эй, вы, несите сюда факелы! И пошевеливайтесь! — проревел он, перекрывая шум развернувшегося сражения. — В темноте мы не сможем драться с ними!

Солнце уходило за горизонт в мрачной багряности песчаного берега и темнеющего леса. Снаружи, в бухте, люди на борту караки подняли якоря, и, «Красная рука» со все увеличивающейся скоростью поплыла к кроваво-

красному горизонту.

7. ЛЕСНЫЕ ДИКАРИ

Темная ночь окутала побережье. Но факелы слабым дрожащим светом освещали сумасшедшую, словно из потустороннего мира, сцену. Раскрашенные, обнаженные дикари устремились вперед, как волна прибоя, накатились на палисад. Их белые зубы и сверкающие жаждой смерти глаза блестели в свете факелов. Перья птицы Носорога были воткнуты в их взлохмаченные черные гривы; здесь были также перья кормарака, мелькали перья морского орла. Двое воинов, наиболее дикой наружности, вплели в свои спутанные волосы зубы акулы. Прибрежные племена прибыли сюда со всех сторон, чтобы очистить берег от вторгнувшихся в их владения белокожих людей.

Монолитными рядами, действуя плечо к плечу, бросались они на палисад, осыпая его градом стрел, и не обращая внимания на ответные стрелы и арбалетные болты, которые сразили уже многих из нападающих. Иногда дикари подбирались так близко, что могли бить боевыми топорами в тяжелые ворота, а их остроконечные копья могли проникать внутрь крепости через бойницы. Штурм был бешеным. Однако каждый раз взбесившийся людской поток, орущий и размахивающий оружием, откатывался назад, оставляя позади множество трупов и раненых, корчившихся от боли. В подобном виде борьбы у морских волков был приобретен огромный опыт, и они весьма искусно отбивали атаку за атакой, действуя слаженно и умело. Их стрелы и арбалетные болты пробивали самые настоящие бреши в сплоченной орде нападающих, а их сабли сбивали с палисада беснующихся пиктов, которым удавалось забраться на частокол. Однако дикари не унимались, и снова, и снова бросались на штурм форта.

— Они как бешеные собаки! — пропыхтел Зароно, отсекая хватающиеся за обагренные острия кольев палисада темные руки, не обращая совершенно никакого внимания на раскрашенные останки, которые с оскаленными зубами смотрели на него снизу вверх.

— Если нам удастся удержать крепость до утра, они потеряют мужество и желание к атакам, — пробурчал Конан и с точностью опытного бойца одним ударом сабли снес раскрашенную голову, возникшую над частоколом. — Ага, они уже отступают!

Волна дикарей беспорядочно откатилась назад. Люди на бруствере смахнули пот со своих лиц, подсчитали погибших и обтерли залитые

кровью рукоятки своих сабель и мечей. Как опьяненные жаждой крови волки, которые вынуждены отказаться от намеченной жертвы, пикты отпрянули за пределы освещенного пространства. У палисада остались только трупы.

— Они ушли? — Стромбанни убрал с лица мокрые от пота волосы. Сабля в его крепко сжатой руке была иззубрена, а рука забрызгана кровью.

— Они все еще находятся поблизости, — Конан кивком головы указал в ночную тьму. Он мог разглядеть, как там что-то изредка передвигалось, кроме того, в том направлении время от времени в слабых отблесках пламени факелов блестели чьи-то глаза и вспыхивали матовые блики, отбрасываемые медным оружием.

— Все же они на некоторое время отступили и укрылись во мраке. Установите на бруствере охрану и позаботьтесь о том, чтобы другие люди тем временем поели и попили. Полночь уже минула. Ночь повернула к утру. Мы безостановочно сражались целых четыре часа. Эй, Валенсо, как дела там у вас?

Граф, в помятом, забрызганном кровью шлеме и нагрудных латах, побитых ударами боевых палиц, угрюмо подошел к Конану и обоим капитанам. Он что-то неразборчиво пробурчал в ответ. В это мгновение из сгустившейся вокруг форта темноты внезапно прозвучал голос, громкий и ясный, эхом отдавшийся во всем форте.

— Граф Валенсо! Из Корзетты! Вы слышите меня? — в звучащем из тьмы голосе присутствовал несомненный стигийский акцент.

Конан услышал, как граф протяжно застонал, словно от смертельного удара. Валенсо, словно потеряв равновесие, зашатался и схватился за грубо обтесанные колья палисада, чтобы удержаться на ослабевших ногах. Его лицо, освещенное огнями факелов, приобрело пепельно-серый цвет. Голос незнакомца тем временем продолжал:

— Это я, Тот-Амон из Ринга! Неужели вы думаете, граф, что сумеете ускользнуть от меня? Слишком поздно. Время пришло. Ваши хитроумные планы больше не понадобятся вам, потому что сегодня ночью, именно сегодня, я пошлю к вам курьера — демона, охраняющего сокровища Траникоса! Приготовьтесь! Я освобожу его из пещеры, где он был заключен, и возьму к себе на службу. Он позаботится о том, чтобы ваша неотвратимая судьба наконец-то настигла вас, и чтобы вы многократно получили то, что заслужили: мучительную медленную и бесчестную смерть. Хотелось бы мне посмотреть, как вы ускользнете от неизбежного.

Его слова, несущиеся из мрака, завершил мелодичный смех. Валенсо издал громкий крик, соскочил с бруствера и бросился к главному дому, не

обращая внимания на окружающих его людей.

Когда в бою наступила тишина, Тина проскользнула к окну, от которого во время атаки она отошла, боясь, что случайная стрела может попасть в нее. Она молча смотрела, как люди собрались вокруг костра.

Белеза читала письмо, которое служанка принесла к дверям ее комнаты.

«Граф Валенсо своей племяннице!

Приветствую тебя. Мой неизбежный конец близок. И с этой неотвратимостью я примирился; ты должна знать, что это далось мне нелегко, и мне было ясно, что я использовал тебя таким образом, какой несовместим с честью графа из Корзетты. Я сделал это только потому, что вынужденные обстоятельства не позволили мне сделать выбор. Хотя теперь, несомненно, слишком поздно обвинять себя за содеянное, я прошу тебя не судить меня жестоко и, если ты пронесешь это через сердце, и тебе удастся пережить эту жуткую ночь ужаса, случайно или нет, молись Митре за грешную душу брата твоего отца. А теперь я прошу тебя, советую тебе, оставаться подальше от банкетного зала, чтобы тебя не коснулось то, что для меня неотвратимо.

Будь здорова».

Нежная рука девушки, сжимавшая письмо, дрожала. Хотя она никогда не чувствовала симпатии к своему дяде, она увидела в содержании письма, в выраженных в нем чувствах и печали человеческий порыв — может быть, самый человеческий из всех его порывов.

Тина у окна сказала:

— На бруствере должно быть больше охраны. Предположим, что Черный человек вернется.

Белеза подошла к ней и тоже выглянув наружу, в ночь, вздрогнула.

— Я боюсь, — испуганно прошептала Тина. — Я надеюсь, что Зароно и Стромбанни будут убиты.

— А Конан тоже? — удивленно спросила ее Белеза.

— Конан не причинит нам никакого вреда, — убежденно отозвалась на реплику хозяйки девочка. — Он живет по своему варварскому кодексу чести, а оба других — бесчестны.

— Ты слишком умна для своих лет, Тина, — проговорила Белеза с беспокойством, которым всякий раз наполняла ее мысли эта таинственная и пронизательная маленькая девочка.

— Смотри! — Тина замерла. — Охранник у южной стены палисада исчез. Я только что видела его на бруствере, а теперь его больше нет!

Из открытого окна были видны острые колья частокола, поднимающиеся над крытыми крышами хижин, которые простирались во все стороны и создавали причудливую картину в ночной тишине.

Нечто вроде открытого коридора около двенадцати футов шириной образовалось между стеной палисада и задними стенами деревянных домиков, которые протянулись сплошным рядом. В этих неказистых домиках жили семьи слуг.

— Куда же мог деваться охранник? — прошептала Тина.

Белеза посмотрела на ближайший конец домиков, находящихся недалеко от главного дома. Она могла поклясться, что позади убогих хижин проскользнула призрачная фигура и, подобно привидению, исчезла в двери.

Был ли это пропавший охранник? Почему этот человек, неизвестно где находившийся, покинул свой пост, и почему он пробрался в дом украдкой? Если только это был он? Нет, она не верила, что это мог быть охранник, которого она знала. Неописуемый страх холодом сковал ее сердце.

— Где граф, Тина? — спросила она.

— В банкетном зале, моя леди. Он сидит там один за столом, закутавшись в плащ, пьет вино, и лицо у него белое, как у мертвеца.

— Иди и расскажи ему о том, что мы видели. Я буду наблюдать из окна, чтобы пикты незаметно не перелезли через палисад.

Тина немедленно выбежала из комнаты. Внезапно Белеза вспомнила о предупреждении в письме графа держаться подальше от банкетного зала. Ее снова охватило тревожное беспокойство. Она подошла к полуоткрытой двери и услышала легкие шаги девочки, идущей по коридору, а потом раздался размеренный негромкий шелест шагов, означавший, что Тина стала спускаться по лестнице. Девушка потянулась к ручке двери, чтобы распахнуть ее.

Но прежде чем она достигла своей цели и шире приоткрыла дверь, чтобы позвать девочку назад, она услышала пронзительный крик ужаса, от которого ее измученное сердце чуть не выскочило из груди от страха.

Она тут же перескочила через порог, толчком отбросив дверь, которая, распахнувшись, глухо стукнула о деревянную стену коридора, и стремительно рванулась по проходу, почти не соображая, что делает и зачем это делает.

Посреди лестницы она в ужасе остановилась, словно окаменев. Все вокруг нее закружилось в сумасшедшем, непрекращающемся круговороте.

Она не закричала, как кричала Тина. Все вокруг колыхалось. Она не была способна ни пошевелиться, ни издать какой-либо членораздельный звук. Невероятный страх вцепился в ее растревоженные, обнаженные

нервы. Она увидела девочку и подсознательно почувствовала, как ее онемевшие руки отчаянно вцепились в хрупкое тельце Тины. Но это была единственная реальность в окружающем ее мире, в этом непредставимом ужасе.

Обеспокоенный Стромбанни, нервно топчась на дворе, только покачал головой в ответ на вопрос Конана.

— Нет, ничего не слышал.

— А я слышал! — животные инстинкты киммерийца пробудились в нем. — Это донеслось с южной стороны из-за хижин.

Он выдернул из ножен саблю и направился к палисаду. Со двора не было видно южной стены и находящихся там охранников. К тому же ночь затрудняла восприятие. Воодушевленный примером Конана, Стромбанни отправился вслед за ним.

В начале прохода между убогими хижинами и довольно плотной стеной палисада он увидел остановившегося Конана. Проход этот был скудно освещен двумя догорающими факелами, помещенными на противоположных концах этого коридора. И примерно в центре прохода на утопанной земле лежала скорчившаяся фигура.

— Бракус — выругался Стромбанни. Он обеспокоенно подбежал к нему и опустился на колени. — О, Митра! Его горло раскромсано от уха до уха!

Конан внимательно осмотрелся. Кроме него, Стромбанни, склонившегося над трупом, и мертвеца в проходе больше никого не было.

Он шагнул к бойнице и посмотрел сквозь нее. В кругу пляшущего света, отбрасываемого факелами, ничего не двигалось.

— Кто мог сделать это? — спросил он скорее себя, чем Стромбанни.

— Зароно! — зашипел с ненавистью и тут же вскочил на ноги Стромбанни.

— Он послал своих собак, чтобы те убили моего человека. Он явно жаждет уничтожить меня! Дьявол! У меня остались враги внутри палисада!

— Подожди! — Конан решительно схватил Стромбанни, рванувшегося вперед, за руку, чтобы удержать его. — Я не думаю, что Зароно...

Однако возбужденный пират умудрился вырваться. Грязно выругавшись, он побежал по проходу.

Конан последовал за ним. Стромбанни помчался прямо к костру, в тепле которого нашел приют его соперник. Зароно сидел у пламени и пил из кружки пиво.

Его изумление было неподдельным, когда кружка, выбитая сильным

ударом, расплескивая жидкость, полетела в сторону, а ее содержимое, пенясь, побежало по нагрудному панцирю, а его самого сграбастали безжалостные руки. Костер зашипел. Корсар с искаженным лицом уставился на капитана пиратов.

— Ты... Ты, проклятая собака! Убийца! — бешено заорал Стромбанни. — Ты убиваешь моих людей, нанося им удары в спину, хотя эти спины защищают и твою поганую шкуру, как и мою!

Конан подбежал к ним. По всему двору люди перестали есть и пить, стали медленно приподниматься со своих мест, многие уже пристально наблюдали за развернувшейся драмой.

— Что ты хочешь этим сказать? — отплевываясь, спросил Зароно.

— Что ты послал своих людей убивать моих товарищей, находящихся на посту, — проревел свихнувшийся бараханец.

— Ты лжешь! — ненависть корсара вдруг вспыхнула всепоглощающим неистребимым пламенем.

С криком необузданной ярости Стромбанни выхватил свою саблю и изо всей силы обрушил ее на голову корсара. Зароно успел отразить удар, и голубоватые искры каскадом хлынули из-под клинка.

Он устремился вперед, выхватывая из ножен кинжал в дополнение к мечу.

В следующее мгновение они, словно берсеркеры, бросились друг на друга и сцепились в ожесточенной схватке. Клинки звенели и яростно сверкали в свете костра. Их люди слепо и моментально отреагировали на вспыхнувшую дуэль.

Раздался громopodobный рев, когда пираты и корсары бешено ринулись друг на друга. Остальные охранники, которые еще мгновение назад топтались на брустверах, взглядываясь в ночную темноту, покинули свои посты и с обнаженными саблями спрыгнули вниз, во двор. Сейчас же на крепостном дворе возникла ужаснейшая неразбериха суматошного боя.

Некоторые из солдат и слуг графа также оказались втянутыми в рукопашную схватку разгоревшегося сражения, а солдаты у ворот возбужденно повернулись в сторону дерущихся. Они пораженно уставились на кровавую резню и совершенно забыли о затаившемся снаружи враге.

Все произошло так быстро и неожиданно — давно тлеющая ненависть вылилась во внезапное кровопролитие, — что люди безжалостно сражались друг с другом уже по всему двору, прежде чем Конан успел добраться до обезумевших капитанов. Казалось, ничто не остановит безумную бойню.

Не обращая внимания на мелькающие мечи двух соперников, киммериец с такой порывистостью оттолкнул их друг от друга, что они отступили назад, а Зароно даже вытянулся во весь рост на взбуровленной земле.

— Вы — проклятые идиоты! Вы хотите поставить на карту жизни всех нас?

Стромбанни закипел от ярости, а Зароно заорал во весь голос, призывая на помощь своих людей.

Один из корсаров подбежал к Конану и ударил его сзади. Меч не достиг цели. Киммериец полуобернулся, схватил руку нападающего и, вывернув, понял ее вверх вместо с мечом!

— Смотрите же, вы, идиоты! — проревел он и зло указал на что-то саблей.

Что-то в его яростно звучащем голосе привлекло внимание этого обезумевшего от крови сброда. Люди остановились посреди удара или укола, замерли и вытянули шеи, чтобы посмотреть. Конан указывал на одного из немногих солдат, оставшихся на бруствере. Его поведение было странным. Человек зашатался, нелепо взмахнул руками, попытался что-то крикнуть, а потом безвольно упал вниз головой.

И тут все увидели черное древко стрелы, выступающей у него из спины.

Все испуганно взревели. За этим паническим ревом последовали дикие крики, заставившие застыть кровь в жилах. Затем воздух сотрясли сильные удары в ворота. Пылающие стрелы взвились над палисадом и обрушились на крыши хижин, вонзаясь в деревянные перекрытия и разбрызгивая шипящие искры.

Тонкий дымок заструился вверх. А за домиками, вдоль задних стен замелькали пригнувшиеся темные фигуры.

— Пикты в форте! — заревел Конан.

Разразился ад. Дрожащие отблески костров и тусклый огонь факелов создавал тревожную атмосферу, усугубившуюся неожиданными событиями. Моряки перестали сражаться друг с другом. Некоторые повернулись к дикарям, другие поспешно вскакивали на покинутый совсем недавно бруствер. Пикты все это время быстро выбегали из-за хижин во внутренний двор; их боевые топоры уже звенели о сабли моряков и мечи солдат.

Зароно пытался изо всех сил подняться на ноги, когда один из раскрашенных дикарей устремился к нему и раздробил ему голову

топором.

Конан и столпившаяся за его широкой спиной группа моряков сражались с пиктами, пролезшими в форт.

Стромбанни с большей частью своих людей успел подняться на бруствер к частоколу и с хеканьем сбивал темные фигуры, непрерывно лезущие на палисад.

Пикты, перебравшиеся через деревянную стену незамеченными, нападали со всех сторон. Почти все без исключения солдаты Валенсо торопливо собрались у ворот и пытались обороняться от ревущей толпы дикарей, которые яростно и целеустремленно били в ворота огромным стволом дерева.

Все большее число пиктов перебиралось через незащищенную южную часть палисада и быстро пробегало по свободному проходу за хижинами. Стромбанни и его головорезы были оттеснены от северной и западной сторон палисада и тотчас же во двор хлынула через частокол вопящая толпа голых дикарей, которая мгновенно затопила все окружающее пространство.

Они, как оголодавшие волки, рвались вперед, валили защитников на землю, рубили, кололи, резали их. Бой шел в непрекращающемся водовороте раскрашенных тел, разметавших разрозненные силы обороняющихся в разные стороны. Пикты, солдаты, моряки лежали по всему двору, и ноги дерущихся и не обращающих ни на что внимание сражающихся, топтали их.

К шуму яростного боя, подобному гулу, примешались крики женщин и детей, умирающих под безжалостными ударами боевых топоров. Солдаты, услышавшие эти отчаянные крики, покинули свои посты у ворот, и в следующее мгновение новая волна пиктов бешено хлынула в форт через выбитые створы. Над некоторыми хижинами с треском взметнулись языки пламени.

— К главному дому! — проревел Конан, перекрикивая, или пытаясь сделать это, грохот сражения.

Дюжина людей сомкнулась вокруг него, когда он начал решительно пробивать себе дорогу сквозь толпу вопящих дикарей.

Стромбанни очутился возле него, и его сабля казалась вращающимся крылом ветряной мельницы.

— Мы не сможем удержать главный дом, — задыхаясь, выкрикнул он.

— Почему не сможем? — Конан был слишком занят сражением и бросил на него только быстрый взгляд.

— Потому что... о-о-о! — остро отточенный нож одного из дикарей

глубоко вонзился в спину пирата. — Дьявол тебя заберет, лесная собака! — Стромбанни, дернувшись, повернулся и разможил череп пикта, затем зашатался и рухнул на колени. Кровь хлынула изо рта.

— ...потому что его сожгут! — прохрипел он и судорожно вытянулся на земле.

Конан быстро осмотрелся. Все люди, еще недавно окружавшие его, валялись на земле. Пикт, прощавшийся с жизнью, был последним, кто еще преграждал ему путь. Вокруг него кипел жаркий бой, но сам он в это мгновение стоял совершенно один. Ночной кошмар продолжался в свертании мечей, сабель, топоров и в свисте стрел.

Он находился недалеко от южной стены. Парой прыжков он мог запросто достигнуть палисада, перелезть через него и незамеченным исчезнуть в ночи. Но тут он вспомнил о беспомощных девушке и ребенке, оставшихся в главном доме, из которого валил густой дым.

Один из вождей с пышно украшенной перьями головой пробился от ворот к нему, резко занес боевой топор для удара, а за ним устремились другие дикари. Однако не успел вождь остановиться, как взлетевшая в полумраке сабля парировала мощный удар топора и с хрустом разможила череп предводителя. Мгновение спустя Конан уже проскочил через дверь, быстро захлопнул ее и тут же запер. Он больше не обращал внимания на сильные удары топоров, от которых дверь вздрагивала и отлетали куски выщербленного дерева, ни на дикие крики преследователей, кое-кто из которых разочарованно колотил в дверь чем попадет.

Коридор и прихожая были заполнены густыми клубами дыма. Дым вытекал из банкетного зала. Едкая пелена обжигала глаза, однако Конан, не задерживаясь, пробирался вперед. Где-то неподалеку истерически всхлипывала женщина.

Конан выскочил из плотного облака дыма и остановился.

Из-за дымной пелены в зале было темно. По стенам и потолку металась призрачные тени. Серебряный светильник валялся на полу, свечи были потушены.

Единственное освещение рождалось раскаленными углями в камине. И в отблесках багряного пламени Конан увидел человека, свободно болтавшегося на конце веревки. Веревка с визгом качнулась, поворачивая висельника. Лицо мертвеца развернулось к киммерийцу. Оно было искажено до неузнаваемости, однако он знал, что это — граф, повесившийся на балке в собственном доме.

Но в зале был еще кто-то. Конан разглядел ЭТО сквозь серое облако

дыма: ужасная черная фигура, подрагивая, поднималась над пламенем. Различимые очертания шевелящегося силуэта были почти человеческими, однако тени не было.

— Кром! — выругался Конан, которому тотчас же стало совершенно ясно, что он видит перед собой создание, которое невозможно сразить ни одним мечом на свете. Он мгновенно спружинил назад и огляделся. Он увидел у подножия лестницы Белезу и крепко вцепившуюся в нее Тину.

Черное чудовище вспучилось, затем выпрямилось и растопырило огромные руки. Размытое лицо пристально вперилось в киммерийца, пронзая клубящийся дым.

Оно было демоническим и ужасно извращенным. Конан увидел близко растущие друг к другу рога, зияющую бездонностью пасть, стоящие торчком остроконечные уши. Чудовище неумолимо надвигалось. И вместе с обострившимся отчаянием в Конане проснулись старые воспоминания.

Возле ног пригнувшегося киммерийца лежал опрокинутый светильник, бывшая гордость дворца в Корзетте — пятьдесят фунтов массивного серебра, искусно украшенного изображениями богов и героев. Конан схватил его и занес над головой.

— Серебро и огонь! — крикнул он громовым голосом и резко швырнул светильник, единым порывом выплеснув всю силу своих мускулов. Светильник с грохотом ударился о чудовищную черную грудь.

Даже демон не мог выдержать мощный удар тяжелого снаряда, выброшенного сверхчеловеческой силой киммерийца. Светильник сбил демона с ног, и тот опрокинулся в горящий камин, который мгновенно превратился в бушующую огненную пасть. Ужасный рев потряс зал, рев адского существа, погибающего на земле. Разнесенные в клочья гобелены и другие украшения стен были сорваны. Кладка-оправа каменного камина разлетелась на куски, тяжелые камни полетели из дымохода и погребли под собой черное тело.

Новая волна рева и грохота сотрясла дом. Горящие балки полетели с потолка, и пламя жадно набросилось на кучу обломков.

Языки пламени теперь уже лизали лестницу, когда Конан достиг ее. Он одной рукой подхватил потерявшую сознание девочку, а другой поставил Белезу на ноги. Сквозь жуткий треск пламени угрожающе доносился стук боевых топоров и грохот сокрушаемой двери.

Конан осмотрелся. Он обнаружил еще одну дверь напротив лестницы и побежал к ней, крепко зажав Тину под мышкой и волоча за собой безвольную Белезу, которая, казалось, совершенно оцепенела и ничего не воспринимала. Достигнув комнаты, находящейся за дверью, он услышал

оглушительный треск, показавший, что перекрытия в зале не выдержали и потолок обвалился. Облака клубящегося едкого дыма грозили задушить его, но Конан уже видел распахнутую дверь, ведущую наружу. Протащив через новый порог своих беспомощных подзащитных, он увидел, что петли очередной двери сорваны, а засовы и замки разбиты вдребезги.

— ...этот дьявол проник в дом через эту дверь! — истерически всхлипывала Белеза. — Я... я... видела его... но... я не знаю...

Они торопливо преодолели дюжину футов от ряда хижин в направлении южной стены, пробежали по охваченному огнем двору. От толпы дерущихся отделился один из пиктов и бросился им навстречу с поднятым вверх топором. Его глаза убийственно сверкали в алых всполохах пламени.

Конан резко отодвинул Белезу в сторону и, полуразвернувшись, убрал Тину из-под удара топора, одновременно вонзив окровавленную саблю в грудь нападающего. Затем, схватив Белезу другой рукой, он стремительно побежал дальше к южной части палисада.

Завихряющиеся облака дыма скрывали многих сражающихся, но, несмотря на это, беглецы были замечены. Голые воины черные, суetyащиеся фигуры на фоне пылающих домов, со всех сторон устремились к ним, подняв боевые топоры над орущими головами. Они были еще в дюжине футов от них, когда Конан нырнул в проход между хижинами. Все новые и новые беснующиеся дикари спешили к другому концу прохода, чтобы отрезать беглецам путь к отступлению.

Конан на мгновение остановился, изо всей силы забросил на бруствер сначала Белезу, а потом Тину, а затем вскочил туда сам. Не задерживаясь, он тотчас же поднял Белезу над палисадом и уронил ее на песок снаружи. Тина последовала за девушкой. Один из боевых топоров вонзился в обугленное бревно около его плеча, однако Конан уже перепрыгнул через частокол и успел подобрать своих подзащитных. Когда пикты наконец достигли

8. БОЕЦ ИЗ АКВИЛОНИИ

Новое утро нежно тронуло воду дуновением легкого бриза. Далеко в сверкающем море из тумана поднималось белое пятно паруса, который, казалось, повис между небом и голубой гладью моря. На поросшем кустарником мысе Конан держал разорванный плащ над костром из сырого дерева, который тлел, а не горел. Когда он убирал плащ в сторону, вверх поднимались маленькие облака дыма.

Белеза, обняв Тину, сидела недалеко от киммерийца.

— Вы полагаете, что они могут заметить и понять значение этих дымовых сигналов? — спросила она.

— Это, конечно, они могут сделать, — неуклюже заверил ее Конан. — Они всю ночь крейсировали недалеко от берега в надежде обнаружить оставшихся в живых. На корабле их только около полдюжины, и никто из них в достаточной мере не разбирается в навигации, чтобы вернуться к Бараханским Островам. Они поймут мой сигнал — это известный морякам код. Они будут счастливы, если я приму на себя командование осиротевшим кораблем, потому что так получилось и я оказался единственным капитаном, которому удалось выжить.

— Но, предположим, что пикты тоже заметили дымовой сигнал? — возразила Белеза и содрогнулась. Она оглянулась назад, туда, где в нескольких милях на север все еще поднимался черный дым и копоть.

— Это невозможно. После того, как я укрыл вас в лесу, я прокрался обратно в форт и увидел, как они выкатывают из подвалов бочки с вином. Большинство из дикарей наверняка упилось до невменяемости. С сотней человек я мог бы уничтожить сейчас весь их род... Кром и Митра! — внезапно проревел он. — Это не «КРАСНАЯ РУКА», а военная галера. Какая цивилизованная страна направила в эту глушь корабль своего флота? Возможно, это кто-то, кто хочет свести счеты с твоим дядей. В таком случае, мы, конечно же, должны заклинать его дух.

Он снова взглянул на море и постарался разглядеть сквозь пелену тумана более определенные детали очертаний плывущего корабля. Галера приближалась носом вперед, так что видна была только позолоченная фигура на носу, а также маленький парус, надуваемый прибрежным бризом, и с всплескомдвигающиеся весла.

— Ну, — произнес Конан, — по крайней мере, они приплыли сюда, чтобы забрать нас к себе на борт. Нас ожидает слишком долгая прогулка до

Зингары. Пока мы не узнаем совершенно точно, кто они такие, и какие у них намерения, я прошу вас не упоминать о том, кто я. Пока они пристают к нашему берегу, я придумаю подходящую достоверную версию.

Конан вновь вернулся к костру и передал Белезе почти негодный для носки плащ. Потом он гибко потянулся, словно дикая кошка.

Девушка и Тина были восхищены и сильно удивились. Его равнодушие и спокойствие были не наигранными. Ночь огня и хлещущей крови, а затем — непрерывное бегство через мрачный и пугающий лес, казалось, ни чем не повредили ему, не нарушили его обычной невозмутимости. Он был так беспечен, что складывалось впечатление, что он всю ночь веселился и праздновал какое-то приятное событие.

Пара легких ран была тщательно перевязана полосками ткани от одежды Белезы, потому что он бежал из форта, не потрудившись что-нибудь с собой прихватить.

Белеза больше не боялась потягивающегося гиганта. Напротив, в его присутствии она чувствовала себя увереннее, чем когда-либо. Он не выглядел настолько цивилизованным, как капитаны морских грабителей, однако он руководствовался определенным кодексом благородства и чести и ни в коем случае не был таким бесчестным и коварным, как они. Конан жил по естественным, неписанным законам своего народа, который был варварским и кровавым, однако сам он никогда не нарушал кажущийся другим странным кодекс чести.

— Вы полагаете, что он мертв? — спросила Белеза.

Конан знал, что она имеет в виду.

— Я уже думал об этом, — ответил он. — Серебро и огонь смертельны для злых духов — а он получил более чем достаточную порцию и того, и другого.

— А как насчет его хозяина?

— Тот-Амона? Он, вероятно, уже вернулся в какую-нибудь подземную обитель в Стигии или на пути к ней. Этот колдун — довольно своеобразное и своенравное отродье.

Больше из них никто не коснулся затронутой темы. Белеза содрогнулась еще раз, представив себе мысленно, как черная фигура проникла в банкетный зал, чтобы совершить ужасающую месть.

Корабль тем временем подплыл ближе, но прошло еще некоторое время прежде, чем судно смогло спустить и направить к берегу шлюпку. Белеза вопросительно взглянула на Конана.

— В главном доме крепости вы упоминали, что были в Аквилонии генералом, но потом вынуждены были бежать оттуда. Можно попросить

вас побольше рассказать об этом?

Конан усмехнулся.

— Я не должен был доверять этому вероломному Нумедидесу. Он сделал меня генералом, потому что я сумел одержать пару небольших побед над пиктами. А потом, когда я уничтожил впятеро больше пиктов в бою при Велитриуме, чем потерял своих людей, и разбил союз, который отдельные племена заключили между собой, меня пригласили в Тарантию, чтобы принять при дворе и отпраздновать победу. Приглашение польстило моему тщеславию. Любой человек честолюбив. Я сидел рядом с самим королем, а прекрасные девушки в это время осыпали меня потрясающе очаровательными розами. Но потом этот сукин сын во время банкета подсыпал мне в вино снотворное. Когда я проснулся, то обнаружил, что прикован к каменной стене в железной башне, и мне угрожает казнь.

— Да?! Но почему?

Конан пожал плечами.

— Как я мог знать, что взбредет в паршивую башку тупоумного короля. Может быть, какой-то другой генерал в Аквилонии, которому не понравилось, что некий чужеземный варвар получил священное звание генерала, натравил Нумедидеса против меня. Или, возможно, его внезапная неприязнь была вызвана моим невзначай высказанным замечанием о его странной, непоследовательной политике, и о том, что он приказал по всей Тарантии установить золотые статуи вместо того, чтобы использовать золото, которое пошло на статуи, для защиты границ своей страны. А он в ответ почувствовал себя оскорбленным.

Он на секунду задумался и продолжил:

— Философ Алкимедес незадолго до того, как я выпил подсунутое вино со снотворным, сообщил мне, что он намеревается написать книгу о необдуманности как об основе управления государством. Он хотел привести в качестве примера Нумедидеса. К сожалению, я был слишком пьян, чтобы понять, что он хочет сказать. К счастью у меня были друзья, которые позаботились о том, чтобы я смог убежать из железной башни и заранее в условленном месте приготовили для меня острый меч и свежую лошадь. Я отправился назад, в Боссонию, намереваясь вместе со своими отрядами поднять восстание. Однако, когда я добрался до места, я узнал, что все преданные мне боссонцы были отправлены в другую провинцию, а в их городе разместились бригада идиотов из Турана. У этих придурков были коровьи глаза. Большинство из них никогда в жизни ничего не слышали обо мне. Они хотели арестовать меня, и мне, откровенно говоря, ничего не оставалось, как только пробивать себе путь к свободе силой.

Стрелы свистели вокруг меня, когда я проплывал реку Грома — и вот я здесь.

Он наморщил лоб, рассматривая приближающийся корабль.

— О, великий Кром! Я готов поклясться, что, судя по штандарту, развевающемуся на фок-мачте, это отряд из Поинтана. Но это же невозможно! Идем!

Он повел и девушку, и ребенка вниз, к прибрежной полосе, омываемой вспененными волнами. Оттуда были слышны команды рулевого. Галера не выслала шлюпки, как им показалось, а сама ткнулась в мягкий песок. Когда люди спустились с носа судна на твердую землю, Конан проревел:

— Просперо! Троцero! Что, во имя всего святого, если оно еще существует на этой проклятой земле, вы здесь делаете...

— Конан!? — завопили они, бросились к нему с недоуменным дружелюбием и начали дружески хлопать его по широкой спине и весело пожимать ему руки. Они загомонили все одновременно, перемежая свою речь радостными проклятиями, но Белеза не поняла бы их, даже если бы они говорили по отдельности и не столь суматошно, потому что они использовали аквилонский язык.

Тот, которого Конан назвал Троцero, должно быть, был графом Понтии. Перед взором девушки стоял широкоплечий, узкобедрый мужчина, который несмотря на серебряные нити в его волосах, двигался грациозно, словно леопард.

— Что вы здесь делаете? — спросил Конан.

— Мы прибыли, чтобы забрать тебя, — ответил торжественно Просперо, стройный молодой человек в замшевой куртке.

— Откуда вы узнали, где я?

Могучий мужчина с растрепанными волосами, которого, как выяснилось, звали Паблиус, указал на четверых, одетых в развевающиеся одежды священников Митры.

— Декситеус нашел вас при помощи своего магического искусства. Он поклялся, что вы живы, и пообещал привести нас к вам.

Одетый в черное человек поклонился.

— Ваша судьба связана с Аквилонией, Конан из Киммерии, — сказал он. — Я всего лишь крошечное звено в цепи вашей судьбы.

— Все происходящее я понимаю недостаточно хорошо, — пробурчал Конан. Кром знает, как я рад, что меня заберут из этой забытой богом песчаной дыры. Но что произошло?

Троцero серьезно посмотрел на него.

— Мы порвали с Нумедидесом, мы больше не можем терпеть его

сумасбродство, идиотизм и политику подавления. А теперь мы ищем генерала, который способен командовать вооруженными силами восставших. Мы нашли его. Этот человек — вы!

Конан совершенно искренне рассмеялся и большим пальцем указал на пояс с оружием.

— Хорошо, что существует кто-то, кто может оценить мой успех и возможности. Я согласен, друзья! — он осмотрелся и взгляд его упал на Белезу, которая робко держалась в стороне. Он сделал ей знак подойти и представил ее с грубоватой варварской вежливостью. — Господа, это леди Белеза из Корзетты, — он снова обратился к ней на ее родном языке. — Мы можем отвезти вас назад в Зингару, но что вы там будете делать?

Она беспомощно покачала головой.

— Я не знаю. Я все потеряла. У меня нет ни денег, ни друзей. Я не воспитана таким образом, чтобы себе самой зарабатывать на жизнь. Может быть, было бы лучше, если бы одна из стрел пронзила мое сердце.

— Вы не должны так говорить, моя дорогая леди! — испуганно воскликнула Тина, сердце которой трепетно заколотилось. — Я буду работать для нас обеих!

Конан вынул из своего пояса кожаный мешочек.

— Хотя я не получил сокровищ Тотмекриса, — проворчал он неловко, — но тут у меня есть пара камешков, которые я нашел в сундуке, из которого взял одежду. — Он высыпал кучку пылающих рубинов. — Их стоимость составляет целое состояние, — он ссыпал их обратно в мешочек и вложил в руку Белезы.

— Но я не могу принять этого... — запротестовала она.

— Несомненно, вы возьмете это. Вы что, хотите голодать? Тогда я могу покинуть вас так же, как это сделали пикты, — он серьезно посмотрел на девушку. — Я знаю, как жить в гиборийской стране без средств к существованию. В моей стране кое-где существует голод, но ни один из наших людей не будет голодать, пока у кого-нибудь в Киммерии существует что-нибудь съестное. В цивилизованных же странах, одни люди обжираются, в то время, как другие падают от голода. Я тоже иногда голодал, и я знаю, что это такое. Однако я тайно или силой брал то, что мне нужно. Но вы не сможете добывать себе средства существования таким способом. Поэтому, возьмите эти рубины. Продайте их. Они стоят прилично. На вырученные за них деньги вы купите дворец, наймете слуг и приобретете прекрасную одежду. А после этого вам нетрудно будет найти себе супруга, потому что все цивилизованные мужчины хотят иметь жену, обладающую состоянием.

— Ну, а что же будет с вами?

Конан удовлетворенно усмехнулся и указал на толпящихся вокруг них аквилонцев.

— Они — вот все, что мне требуется. Они настоящие друзья, решительные мужчины. С ними я добуду все богатства Аквилонии.

В разговор вмешался огромный Паблиус.

— Ваша щедрость делает вам честь, Конан. Вы — благородный человек. Но мне хотелось бы, чтобы вы сначала посоветовались со мной. Это важно. Потому что революция стоит больших затрат, в том числе денежных. Солдатам требуется не только восстановление. Нумедидес забрал все золото Аквилонии себе. И мы не знаем, где нам взять достаточное количество денег, чтобы привлечь наемников на свою сторону.

— Ха! — рассмеялся Конан, довольный недоуменными взглядами старых приятелей. — Я дам вам так много золота, что вы сможете купить всех и любого человека в Аквилонии, который способен держать меч! — В нескольких словах он рассказал своим слушателям, ошеломленным странным поведением киммерийца, о сокровищах Траникоса, о разрушении пиктами форта Валенсо. — Демон, таким образом, больше не охраняет пещеру, а пикты вернулись в разбросанные по всему глухому лесу деревни. С отрядом хорошо вооруженных людей мы можем отправиться к пещере и спокойно вернуться назад, прежде чем кто-либо узнает, что мы находимся во владениях пиктов. Что вы на это скажете?

Все торжествовали так громко, что Белеза испугалась, что разразившийся радостный шторм привлечет внимание пиктов. Конан лукаво улыбнулся ей и сказал по-зингарански, не слышно для других в шуме голосов:

— Как вам понравился Король Конан? Неплохо звучит, а?